

ВОЙНЫ
БУДУЩЕГО

Федор БЕРЕЗИН

СОЗДАТЕЛЬ ЧЕРНОГО КОРАБЛЯ

Огромный черный корабль

Федор Березин

Создатель черного корабля

«Махров»

2007

Березин Ф. Д.

Создатель черного корабля / Ф. Д. Березин — «Махров»,
2007 — (Огромный черный корабль)

Подводный крейсер-катамаран Эйрарбакской Империи «Кенгуру-ныряльщик» отправлен на боевое задание. Плыть требуется далеко: не просто в контролируемое Южной Республикой Брашей полушарие, а к самому южному полюсу. Но оказывается, врагом являются не только затаившиеся в глубине субмарины антиподов. Предстоит столкнуться с совершенно не планируемыми трудностями. А шторм-капитану Стату Косакри придется думать, в чем цель существования этого страшного мира, и нужно ли пытаться хоть что-то делать для его спасения. Он не знает ответа, но решение все едино требуется принимать. Иначе кто-то или что-то сделают это за него.

Содержание

Часть первая	5
1. Фокусировка	5
2. Разграничительная линия	8
3. «Топящая пятерня»	10
4. Контральто-адмирал	12
5. Капкан	14
6. Академии и абитуриенты	15
7. Весы	17
8. Пираты и договор	18
9. Осциллографы и кривые	20
10. Хирургия, воспитание и генетический код	21
11. Наблюдение	23
12. Сказки моря	24
13. Команды извне	26
14. Сказки моря	27
15. Полный ход	28
16. Сказки моря	29
17. Прикрытие	30
18. Сказки моря	32
19. Траление	34
20. Сказки моря	36
21. Конверт	39
22. Сказки моря	40
23. Творение	42
24. Сказки моря	44
25. Небесный контроль	45
26. Сказки моря	48
27. Чудо по определению	49
28. Сказки моря	50
29. Ступенчатый фундаментализм	52
30. Сказки моря	53
31. Трехсолцевый мир	55
32. Гироскопы	57
33. Сложности ориентации	58
34. Дистанция безопасности	59
35. Атомные часы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Фёдор Березин

Создатель чёрного корабля

*Станиславу Лему,
философу и фантасту,
а так же его предшественнику
Олафу Стэплдону,
и дороге, которую они наметили.*

Часть первая

Чудища океана

1. Фокусировка

Он находился в точке схождения конусов. Он был линзой, сквозь которую содержимое верхнего сосуда перетекало в нижний – эдакий фокус песочных часов. Возможно, он даже производил преломление, или дифракцию или еще что-то похожее. Но все это на уровне предположений. Узнать точно не получалось – основания конусов терялись в тумане. Наверное, оба минарета были все-таки бесконечны, хотя где уверенность? Но уж однозначно, и всегда они стыковались острыми вершинами. Тютелька в тютельку на нем, то есть, в нем, или еще точнее, в его перетирающем... да нет, просто впитывающем эту текучесть сознания.

Туман внутри конусов распределялся неравномерно. Область близкая к вершине нижней части этих всеобъемлющих песочных часов освещалась гораздо лучше. Все что там трепыхалось, либо почему-то заledenело в статичных позах, как-то увязывалось с остальным окружением. Тонкие нити взаимодействий сплелись в сеть. Странно, но некоторые волокна, утончаясь и разматываясь, протягивались сквозь сознание-вершину и продлевались туда, в затертую маревом верхотуру. Именно оттуда, из поставленного на попа, верхнего конуса и вывалилась навстречу неизвестность будущего. О, боги-боги, оставленные в другой среде красные и желтые солнца, почему вы не осветили уносящиеся вверх нити чуть-чуть поярче? Тогда получилось бы наблюдать взаимосвязь. И теперь удалось бы грести сквозь дымку с гораздо большей уверенностью. Но не подсветили. То было не в их правилах. Вернее, рожающая динамику верхней пирамиды сущность-творец плевать хотела на правила. Она путала и обрывала протянувшиеся снизу нити как хотела. Однако он был слишком опытной линзой, и слишком давно дежурил в фокусе. И потому сознание его успевало подхватывать, распрямлять и накидывать новые петли. И все это совершенно автоматически.

Сейчас он как раз готовил большую паучью сеть. И требовалось всего-то напрячься и бросить ее вперед, ловя в кокон и подчиняя себе хотя бы близкое пространство верхнего конуса. Ведь именно в нем и таилось будущее. Предсказуемое и непредсказуемое – все разом. Но он должен был его обмануть. Поймать миг озарения, когда подкинутая вверх паутина, распрямляясь и напруживаясь, блеснет, мгновенно охватывая все ступени неизвестности. Ведь иногда так уже получалось. Точнее, в той или иной степени, всегда. Ибо в другом случае все бы пошло наперекосяк. Линза перестала бы фокусировать, и балансирующие вокруг нее конусы Прошлого и Будущего перестали бы стыковаться. Наверное, это бы и назвалось смертью.

А в воде присутствовали чужие. И он знал это раньше, до того как всегдашние подозрения акустиков выпестовались в нечто различимое в подсвеченном графике: он все-таки удачно бросил паутину! И даже когда ему показали подозрительный всплеск кривой в осциллографе,

он не дал ни секунды на триумф. Он приказал искать снова. Заставил хмыкнувшего Понча задействовать свою хваленную-перехваленную ММ еще раз – пройти новый цикл, и отсементировать отражения природной низкочастотной составляющей от самого природного шума, причем ниже принятого оперативного порога обнаружения. Понч Эуд провел тройной цикл понижения порога. Это потребовало уже не одиночных секунд – десятков. Смертельно опасное время. Ведь «Кенгуру-ныряльщик» продолжал двигаться в неизвестность. Возможно те, уже вскрытые за амплитудным всплеском диаграммы, акустики-чужаки тоже не зря потребляют макароны, и пусть у них не имеется математической машины Понча, они все равно на что-то годны. Ну а потом, сколько тех же секунд требуется брашскому «гвоздю» для преодоления шестидесяти километров? Хотя, нет, подводный снаряд на столько не бьет. Если конечно, где-то ближе не затаился еще кто-то из чужих, только более тихий. Ладно, над этим и работает машина Понча Эуда. Понижает порог обнаружения. Точнее, рыщет по ступеням, разбивая весь диапазон на сто тысяч секторов. Теоретически, так можно выявить все зависшее в воде. Даже то, что не двигается.

Все мы тремя солнцами греты и порождены, все отражаем волны, а до дна океана в этих местах километров пять. Так что никак не спрятаться, полеживая на песочке. Океан велик, пересечь его способны только очень большие корабли. А любой из них – это как бы огромная линза – в плане отражения внешних акустических колебаний. И пусть южане трижды нахваленная инженерная раса, даже им не сделать поглощающий слой способный заглотнуть всё. А ведь вокруг шумно. Где-то наверху, вследствие воздействия все тех же, ненаблюдаемых отсюда солнц, дуют ветра, вздымаются волны. От них идут те самые акустические колебания. Бегут, разыскивая от чего бы переотразиться, отскочить, в поисках новых игроков. И пусть браши умные-преумные и уже напялили на крейсерскую субмарину дорожку прорезиненную слойку смягчающую удары, все равно имеются хоть какие-то диапазоны, которые их изношенный в походах вратарь не способен поймать – разве что отразить. И тогда...

Все мы тремя солнцами греты и порождены, и в воде вокруг не только неживая природа. Есть всякая живность, причем иногда достаточно крупная. У нее нет винтов, но она машет хвостиком. В плане низкочастотной акустики это еще удобней. Может прав был шутник – адмирал Критхильд – утверждавший, что перед началом настоящей подводной войны, неплохо бы взорвать в морях-океанах хотя бы полтысячи кобальтовых бомб. Очистить сцену от всякой плавучей живности мельтешащей где не надо. Тогда уж не лучше ли взорвать еще по более, дабы выдуть всю атмосферу куда-нибудь на орбиту луны Мятой? Чтоб некому было поднимать волну. Правда, остаются приливы. Но уж в плане воздействия на солнца, даже любого в отдельности, у Эйрарбакской Империи пока... В общем, это подождет. И значит, работаем тем, что есть.

Быстра человеческая мысль. Еще нет и минуты, а мы уже мысленно слетали к гиганту Эрр и обратно, обогнув по пути невидимый карлик Лезенгауп. Однако чудо-машина Понча нас уверенно нагоняет. Еще бы нет, ее размеры сравнимы с габаритами самого «Кенгуру-ныряльщика». Итак...

Вот он всплеск-отражение. А вот еще и еще. И все оттуда же. Дистанция – пятьдесят. Оказывается, чужак дежурит совсем даже не в одиночестве. Впрочем, кто сомневался? Но поток информации множится. У прущего сквозь воду «Кенгуру», естественно, не одна, а несколько пассивных антенн, и они обрабатывают самые удобные для себя ракурсы. Есть! Новый низкочастотный шквал, словно удар колокола. И это уже не переотражение шума рыбьего косяка. Тут – быстро-затухающий колебательный процесс. Это шевельнула рулями еще одна субмарина; на миг, но изменила свою устоявшуюся линзовую кривизну. И отныне мы знаем... Дальность восемьдесят километров. Скорость... За дело, Понч Эуд! Попытаемся, заодно, определиться с ее национальной принадлежностью. К сожалению, здесь не учения, и никак не получается

впрямую зондировать импульсом опознавания. Уже выявленных врагов и то чрезмерно много в количестве. И потому важность скрытности еще более возрастает.

Эйрарбакский подводный крейсер «Кенгуру-ныряльщик» продолжает движение, надеясь на удачу.

2. Разграничительная линия

Вообще-то даже в геополитической расстановке сил на Гее, экватор не являлся самой удачной линией передовой обороны. И это не смотря на наличие врагов-антиподов оседлавших раздвинутые по шару планеты континенты. И дело даже не в центровом, экваториальном материки – Мерактропии, который, понятно уже в силу расположения, путал идеальность водяной сферы. Но ведь на противоположное полушарие этот континент влиять прямым образом уже никак не мог. Впрочем, как и оба остальных сегмента суши. Ибо из двух оставшихся, только Эйрарбия чуть высывалась, переваливаясь через Северный полюс. У Брашпутиды не получалось даже такое, ибо на юге полюс располагался над всё тем же, охватывающим всё и вся, океаном Бесконечности. Так что, если глянуть на глобус Геи, то ее полушария явно делились на полушарие Воды, и полушарие... Нет, все-таки не Суши. Но тем не менее, полушарие на котором госпожа Суша была представлена более-менее масштабно. Ибо там, по другую сторону, лишь мелкие – не комки даже, а просто вкрапления – демонстрировали, что есть все-таки на свете такие предметы, как острова и архипелаги. Да и то, все они были на удивление мелковаты.

Так вот, даже здесь, в полушарии Воды, экватор все-таки не являлся идеальной линией аква-обороны своего полушария. Хотя казалось бы, уж здесь-то никому не обидно, как в любимой северным императором Грапуприсом игре «танко-шахматах», все перед будущими боями ровнехонько и в клеточку. Ан, нет! Видите ли, экватор является самой длинной на глобусе широтой, так что его оборона требует или же немеряного количества сил, или же растянутых в предел боевых порядков. Не важно, что в данном случае используется не позиционная война в окопах.

Отвлекаясь от этих частностей, разберем преимущества и потери при сужении широтной линии обороны в ту, либо другую сторону от экватора. Если не брать в рассмотрение всякую скуку, типа удлинения или укорачивания линий снабжения действующих на патрулировании флотов, а так же сложности дальнего базирования, и даже спасения в случае внезапного погодного катаклизма... Что как известно, на планете входящей в систему трех солнц вполне естественное явление. Например, шкала возможных позиций уровня штормов включает в себя двадцать уровней. Вполне допустимо, что она имеет и больший диапазон, но превышение этих пределов письменные источники цивилизации не сохранили. Может, столь хрупкая вещь, как культура, не удосуживается таковые явления пережить? (Это сложный, требующий отдельного растолкования вопрос, и не о нем сейчас речь).

Так вот, если не рассуждать обо всяких мелочах, то останется принять во внимание, только протяженность широтных полос. Итак, для экономии сил желательно их сужение. Легче всего отступить к своей территории, то бишь, суше. Однако в таком ракурсе, опять же с точки зрения глобусной теории, противник будет иметь преимущество в количестве возможных векторов удара. Он ведь располагает большей исходной площадью. Так что для сведения этого фактора на нет, все ж-таки гораздо лучше, сжать противнику глотку в его собственном полушарии. Тогда уже на вашей стороне большее число векторов подтягивания сил, ну а на его все выброшенные из рассмотрения прелести. Выбор за... Все-таки за физикой. Флот тоже обладает конечной скоростью и дальностью поражения: ограничения суши имеют универсальный характер! Так что даже имея «немеряное» количество сил, лучше сдвинуть оборонительную линию, к более короткой широте. Однако в случае примерного равенства геополитических партнеров, стянуть удавку ближе к горлу противника не удастся.

Так что поначалу, как и в любом другом, теоретически представимом, но нереалистичном, мире, оборона безбрежья воды цеплялась за захваченные когда-то участки суши. Но когда в процессе Первой и Второй Атомных стало ясно, что стационарные базы в условиях термо-

ядерных снарядов как-то не слишком соответствуют вбуханым в их сооружение средствам, оборона окончательно и бесповоротно перешла к могущим самостоятельно перемещаться по океану предметам. Ну что ж, корабли для того и строились. Они ведь всегда были не только средством агрессии, но и защиты. В мире, включившем атомные битвы постоянным фактором существования, эти вещи переплелись плотнее, чем проволочные волокна в кабеле дальней связи.

3. «Топящая пятерня»

Забери Мятая луна! Но то ли неугомонный творец Трехсолнцевой Вселенной вошел в раж, то ли вход в верхний, опрокинутый конус с сюрпризами будущего прорвало не в шутку, однако кто-то вышестоящий действительно решил отыгаться за сонную скуку полумесячной неспешности подводной жизни. Ибо теперь, после проведения циклов обработки шумов математической машиной Понча, выявлено пять вражеских лодок – целая «топящая пятерня». И можно конечно предполагать разное, по поводу того, что она тут делает, если бы однозначно не ведать, что «Кенгуру-ныряльщик» попал в эту акваторию не просто так, фланируя по океану Бесконечности в свободном поиске, а прибыл в центровую точку коррекции своих невыясненных покуда путей-дорог. И значит...

И значит – это засада. Большой силок с однозначным перевесом сил и средств. Конечно, теоретически, укокошить имперскую лодку «Кенгуру» вполне получается одним «подводным охотником», с одного, ну пусть с двух, отстрелов «гвоздем». Однако кто знает, какие силы ожидали республиканцы? Может, они не исключали появления армады сопровождения? Так что... В общем, все правильно. Тем более, океан велик, и рассредоточившись широким фронтом гораздо легче не дать ускользнуть чему-нибудь единичному и мелкому. А в случае надобности, сомкнув усилия в кулак, отразить атаку превосходящих сил. Встреча с коими – дело на планете Гея не особо мудреное. Ведь вообще, большая тотальная война окончилась давным-давно, но последующий мирный договор включил в себя разные пункты-многоходовки, кои можно понимать и так и эдак, и значит всегда лучше и надежней ходить по мокрому простору большой бандой с заряженными стволовыми отверстиями.

Но пока суть да дело, секундно-минутная пауза перед неминуемым опрокидыванием мира в тартарары, антенные диаграммы, совместно с ММ, выявили еще один нюансик, который покуда никак не получается однозначно толковать в ту, либо другую сторону. Ибо по всей видимости, если верить интегральной обработке по плану многопороговой классификации, есть еще одна таинственная лодка, и вовсе даже не республиканская, а родная, эйрарбакская. И можно бы сомневаться. Хотя что это за прихоти? В одних случаях М-машине верят, как когда-то жрецу-оракулу, а в других почему-то совсем нет?

Так что конечно, можно бы сомневаться просто назло «железяке», захватившей добрую часть внутрилодочного объема. Но четко указан тип, и даже, с вероятностью девяносто пять процентов, название лодки. Это «Герцог Гращебо», классификация «океанский хищник», тип «прилипало». Везет, что он – этот самый «Грещебо» – приписан к Серому флоту Закрытого Моря. В ином случае в области классификации у ММ остались бы сомнения – совсем не пять процентов как сейчас, а вполне может быть – в обратной пропорции. Ибо в результате привычного в океане мира-войны, лишние секреты не положено ведать даже своим. В ином случае, брашам достаточно захватить всего лишь одну лодку, дабы узнать о флоте Эйрарбии абсолютно все. Характеристики, частоты винтовых шумов, общее количество сил и... Словом все, что требуется для эффективной войны. И потому, везет, что «Герцог» свой – «серый», он много раз попадал своим силуэтом в акустические поля «Кенгуру-ныряльщика», а значит и в память ММ. Теперь его получается отселектировать от всех прочих повисших в толще воды субмарин.

Значит общее соотношение сил, все-таки не пять к одному. Хотя если что-то начнется, шансов выстоять очень немного. Зато может быть, именно из-за наличия второй лодки удастся вообще избежать боя. Ведь войны все-таки нет, и на Гее официально царит мир. Так что у господ-брашей вроде бы нет повода пулять в сторону «Кенгуру-ныряльщика» или «Герцога Гращебо» подводные снаряды. Вот если бы «Кенгуру» был один, тогда, разумеется... В смысле, повода и посылы по прежнему нет, однако если чужой кораблик каким-то образом забросить на расстеленное понизу океана дно, то никто уж никогда не разберется со сколькими дырами

в корпусе он туда лег. А ведь в море бывает всякое, и особо не везет в этом плане подводным лодкам.

Но сейчас, в случае двух лодок, дело может иметь всякие нехорошие нюансы, типа ухудшения и без того худых международных отношений. Ибо одно дело неприятности с одним единственным крейсером-охотником, совсем другое – с двумя. Если по поводу единичного несчастья еще можно, скрипя зубами, принять версию «несчастливого случая» всерьез, либо по крайней мере сделать вид, будто все «тип-топ», в тайне, не без гордости, припоминая аналогичные проделки в отношении врага, то уж когда в одном и том же месте нырнут на пять километров две лодки за раз... В общем, это не очень правильно, и разборки могут дойти гораздо дальше, чем обмен возмущенными нотами между Севером и Югом. И значит, если не провоцировать...

Но на всякий случай классифицируем противостоящие силы. Из брашских лодок определены типы самых ближайших, а в общем-то четырех из пяти. Две тяжелые «плетенки», название коих пошло от сложной звуковой гаммы создаваемой их четырьмя винтами-толкателями. Почти наверняка одна из них флагман соединения. Еще одна, типа «мокрица», и если бы в деле были только такие, то можно бы даже пожалеть, что состояние открытых военных действий еще не наступило. «Мокрица» – один из самых старых типов, реликт сохранившийся с периода Второй Атомной. Не смотря на все доработки, это седая древность. Четвертая из rozpoзнанных – «булька». Вообще-то лодка не океанского формата, и из-за размеров не способная быть носителем «гвоздей» – только торпед с обычными двигателями. Так что в общем-то у брашей эскадра – не ахти. За исключением, может, самой тихой и до сих пор не опознанной «пятой». Уже по таким косвенным признакам ясно, что в деле что-то достаточно новое. А может самое новое – лишь несколько раз «услышанная» разведывательными субмаринами рискованной шкурой у Брашпутиды – «мангуста». Правда, если в деле «мангуста», зачем ей вся эта тихоходная кавалькада? Отвлекать внимание?

Вообще, судя по столь разнотипному составу «топящей пятерни», дела у брашей все же не так кристально яркие, как они утверждают в своих пропагандистских роликах о самой современной в мире военной мощи. С другой стороны, смотря на дело с позиции реализма, попробуй перекрой океан, совсем не зря носящий имя производное от «бесконечности».

Ладно, меньше философии и ближе к делу. Хотя дело у нас все равно почти философское. Слушаем музыку глубинных сфер. Точнее, любимся ее осциллограммами. Неплохо бы уловить, когда у брашских «охотников» лопнут запирающие «гвоздевые пушки» мембраны. Хорошо бы тогда не начать заикаться и из-за такого курьеза потерять секунды, требуемые для запуска своих собственных снарядов и торпед. Погибать, так с музыкой. Правда, уже не со столь тонкой, как едва различимая аппаратурой, и извлекаемая на свет божий, только с помощью колдовства механизированной математики. И значит, не тратим время зря, просчитываем уже известные углы и взаимные скорости, и вводим в не столь умное как ММ оружие нужные шумовые «запахи». Дабы «гвозди» и торпеды взяли след. Возможно, к тому моменту, когда самые вялые из них найдут своих жертв, «Кенгуру-ныряльщик» уже будет падать на дно большой продырявленной кастрюли. Но об этом думать не следует, да и нет времени.

Раздвигая воду, подводный крейсер Серого флота Империи движется вперед на самом малом ходу. Из-за сопротивления среды, только в последние десять минут, он сбился с курса на два градуса, но сейчас не стоит шевелить рулями. Будем считать, хотя это смелое предположение, основанное на непатриотичном допущении о технологическом равенстве врага, что его пассивные сонары и средства обработки данных не хуже «кенгурианских». И тогда, легкое изменение угла поворота рулей – это рождение в воде новой гидроакустической линзы, «видимой» за сотню километров. Попытаемся воздержаться от лишнего шороха. С такими соседями это может оказаться смертельно.

А ведь как все хорошо начиналось.

4. Контральто-адмирал

Почему-то часто ему вспоминался разговор с командующим флота. Все происходило не в кабинете как обычно, а в перерыве выездного совещания, в Адмиралтействе в морской столице Империи городе-сказке – Горманту.

– Знаете, что я вам скажу, Стат? – проговорил контральто-адмирал Критхильд поглаживая красивые перила набережной. – Банальность конечно, но...

– Что-то о цели, адмирал? – спросил Стат, про себя удивляясь невиданной доселе неуверенностью Критхильда. Никогда он его таким не наблюдал.

– Да, нет, Стат. Тут я, как и ты, могу только догадываться. Даже дружище Дук что-то темнит.

– Дук Сутомо? – уточнил шторм-капитан.

– Да, управление морской разведки, – кивнул Критхильд. – Темнит, а может и сам ничего не ведает.

– Ну, это вряд ли, – усомнился Косакри. – Уж разведка-то...

– Не скажи, Стат, – командующий Серым флотом положил на плечо подчиненного руку, чему шторм-капитан удивился еще более чем его неуверенности. – У нас в Империи столько военных ведомств... Каждое гребет под себя, секретится. Может и правильно, учитывая технический шпионаж южан.

– Ничего, – скупой улыбнулся Стат, – на экваторе все разрешится.

– Да, – кивнул Критхильд, – для тебя, разумеется. А вот для нас...

– Предлагаете, вскрыть пакет, адмирал, – пошутил Косакри и тут же понял что неудачно.

– Стат, – прищурился контральто-адмирал, – а если скажу «да»? Дело не в том, что кто-то из нас двоих может работать на «черных чаек». И даже не в том, что «заложив» меня ты ничего не добьешься. Не думай, что этого повода хватит чтоб меня скинуть. Не так у нас все просто в адмиральских дебрях. Ты покуда даже не в том ранге чтобы понять. Вот если продвнешься еще вверх тогда... Впрочем – между нами, Стат – не твоя это сфера – штабная грызня и скользкие ступеньки адмиральских должностей. Ты не думай, что такой ты айсберг. Не таких там растапливали. Да и вообще, пока молод – плавай. Правильно я говорю, а, подводник?

– Еще бы нет, адмирал. Я ведь куда собираюсь? – расправил плечи Косакри.

– Вот то-то и оно, Стат, то-то и оно, что ни ты, ни я не знаем, – ...-адмирал вздохнул и убрал руку. – Можно конечно предполагать. Да ты и сам не дурак. Знаешь, что загрузили тебя под завязку. Ну, а то что узнаешь только на экваторе, так это правильно. Вот если бы мы с тобой, действительно, взяли да вскрыли конвертик тогда что? Ну, представь, будто никто из нас не разболтал, а тем более не сообщил республиканцам, но вот там, на самом экваторе или после, твоя лодка напоролась на брашских охотников, и что тогда? Что ты подумаешь обо мне, сидящем здесь? Эта старая перечница – Критхильд – меня выдал с потрохами. Вот что ты подумаешь. И не так, честно говоря, страшно, что эту фразу ты мне бросишь в лицо по возвращении. И даже не то, что ты шепнешь о подозрениях кому-то из «черных чаек». Гораздо хуже, если ты не вернешься, и последнее, что ты будешь помнить в этой жизни – это то, что старая перечница Критхильд тебя сдал. И не просто кому ни попадя, а геополитическому врагу. Что толку, если в действительности это не так? Для тебя это будет конечная истина.

– Чур вас, адмирал, – натянуто улыбнулся шторм-капитан. – Не стоит говорить о мрачностях.

– Вижу, ты настоящий подводник, Стат – опасаясь примет. И мне, конечно, тоже не хочется о мрачностях. Только ты запомни, – командующий флотом поднял палец. – Чует мое сердце, что данное тебе задание очень и очень непростое. Я надеюсь на твою удачу, но больше всего я полагаюсь на твою осмотрительность. Мне хочется верить, что в решающий момент

ты будешь полагаться на свое внутреннее понимание происходящего гораздо больше, чем на кодированные конвертные закорючки. Надеюсь, ты меня понял, шторм-капитан.

Вообще-то Стат Косакри в том момент понял не очень много, прозрения ждали его впереди. А вот что у него возникло тогда, это чувство будто он уже никогда не встретится с Критхильдом. Странно, контральто-адмирал вроде бы покуда не собирался на повышение.

5. Капкан

Самое главное, что сохранение статус-кво не давало «Кенгуру» никаких преимуществ. Конечно, начинать бой самому стало бы еще более глупо, но сохранять все как есть, тоже не выход. Рано или поздно, а вообще-то наверняка очень скоро, накопленная в результате противодействия среды курсовая ошибка выйдет за всякие допустимые пределы. В плане того, что допустимо по курсу, еще туда-сюда: «Кенгуру-ныряльщик» лодка большая, океанская, и в силу катамаранной конструкции, способна стрелять не только вперед-назад, но и с любого бока. Однако есть еще такая штука, как дифферент, и вот здесь пускать все на самотек долго никак не получится. Как не совершенен «Кенгуру» делать кувырки в воде он все-таки не способен. А значит, так или иначе, но придется снимать блокировку с автопилота управления рулей глубины. И тогда субмарина станет акустической линзой. Хотя, кто знает, может она и так уже достаточно ясно наблюдаема во вражеских экранах? Проверить сие нельзя. В этой Вселенной что-то серьезное получается познать только опытным путем, через активные действия – никак не с помощью скрытых.

Так вот, исходя из того, что рулями все ж-таки придется шевелить, да и вообще, «Кенгуру» уже сейчас идет на сближение с противником, то рано или поздно его «услышит» даже седая древность – «мокрица». И что тогда? В плане мирного разрешения конфронтации? Спокойно вскрываем «капитанский» пакет, узнаем дальнейший маршрут и... «До свиданья, соседи по планете! Очень приятно было познакомиться! Но нам, к сожалению, пора!». Как бы не так. Они что, зазя так долго ожидали? Ведь они пойдут следом. Может быть, и не все скопом, а только самые «продвинутые» технически. Какая разница? Задание и даже курс «Кенгуру» сов-секретны. Как же можно будет двигаться, имея за собой целую кавалькаду шпионов? А ведь они теперь не отпустят. И значит... Развернуться назад, и пусть брашские «пираты» идут до Горманту, насколько им позволит смелость и хранящиеся в сейфах инструкции? Что по этому поводу скажет адмирал Критхильд? или адмиральский совет? В общем, конец успешной карьеры подводного «охотника». «Господа браши, поздравляю с победой, и с экономией торпед!» И тогда...

Ну-ка, изобретите способ отрыва от пяти преследователей за раз? Тут уж действительно, хоть самому начинать бой. Вдруг лучше, и правда, «последний и решительный», плюс – орден «Императора Грапуприса» степени «золото» посмертно, чем позор понижения в ранге? А хотя, может статься, что покоящееся в конвертике задание в том и состоит, чтобы придумать новый способ отрыва от преследователей. Не пора ли его вскрывать? Однако сейчас явно не время покидать центральный боевой пост, и запершись со жрецом в кают-компании колдовать над ручной кодировкой.

И значит, плывем дальше, продолжая отслеживать нарастание курсовой ошибки.

6. Академии и абитуриенты

Возможно те, кто принимал его в академию, кое-что просмотрели. И ладно военные моряки, хоть и давно сухопутные, по случаю преподавательской работы, но все равно помнящие море. Знающие, что некоторая отрешенность взгляда, в связи с постоянным заглядыванием в загоризонтную даль, есть не лишняя для будущего капитана флота черта. Может быть даже необходимая, а в некоторых случаях, к примеру, когда ты неожиданно посреди моря сталкиваешься с ударным флотом брашей, а за плечами у тебя всего-то почти прикончивший ресурс миноносец, да пустые, после боя арсенальные погреба. Так что морякам-флотоводцам простительно, но вот куда смотрели медики? Ведь не может же быть, чтобы с мозгами у него, ну, совершенно все было в норме, так? Ведь не выработалось же это в абсолютно зрелом возрасте, когда командно-хозяйственные обязанности уже не давали не то что продохнуть, а даже спать более трех-четырёх часов? Ростки должны появиться гораздо раньше. Кто может исключить, что в детстве у него не наличествовал аутизм? В слабо выраженной форме, разумеется. И ведь понятно, что если приписанные к академии Флота Закрытого Моря медики сотворили ошибку, то уж явно не преднамеренно.

Видите ли, проведенная великим Грауприсом Тридцать Первым Большая Воспитательная реформа наряду со многими другими проблемами решила и проблему протектирования при поступлении в высшие учебные заведения. Действительно, какое значение могла теперь иметь родственная протекция, если никто не знал, кто от кого и когда родился? Все с раннего младенчества воспитывались в «униш» – универсальной школе; там тебе ни пап, ни мам, а тем паче бабушек-милушек – только строгие тети, да иногда дяди с розгами: очень последний предмет в воспитании настоящего гражданина империи помогает. Так что когда абитуриент Стат Косакри прибыл поступать в академию, то по всем обстоятельствам не мог обладать абсолютно никакими преимуществами, кроме личных качеств. Понятно, случайности везде и всюду вносят свою лепту, внесли они ее и сюда, в ситуацию, когда никто не прочувствовал его сгоревшей в нутре странности.

Да и вообще, какие случайности-вероятности? Может, кто-то из экзаменаторов и уловил некую ускользающую тень на психическом горизонте – что с того? Отсеивать, в общем-то годного паренька, по какому-то внутреннему навету? Его что назначают на должность в Великую пирамиду, подносить императору чемоданчик спец-связи с оперативными штабами? Вовсе нет. А сообразительных пареньков и так нехватка, видимо, несмотря на всю похвальбу с «универсальными школами», чем-то они настоящих, природой и богами выданных, пап и бабушек не заменяют. Правда, об этом вслух «ни-ни». Нет в трехсолнечном мире лучшего места для детишек, чем «униш». Но все ж-таки в результате имеющихся на лицо, но не попадающих в статистику, фактиков все академические офицеры-учителя в курсе, что в каждого, в поле зрения попавшего, более-менее развитого мальчишку нужно зубами цепляться. Тем более что он с руками-ногами, и ко всему прочему, с двумя штуками тех, и двумя штуками других. Ибо после Второй Атомной, сами понимаете, на этот счет не то что не густо, но всяко встречается. Старенькие говорливые нянечки с роддомов бывает такое наболтают...

И это при том, что особо говорливые обычно берутся на заметочку, и в управление «белых касок» на собеседование «шагом марш!» Так вот, рассказывают, случается не то что с недостаточным, иль чрезмерным количеством ног, так еще и голов. Но то, наверное, все же слухи, ибо еще ни разу из «униш» никто с двумя-тремя головами, и даже тремя-четырьмя глазами, не выпускался, а уж тем паче в абитуриенты морской флота не записывался. И значит...

Да, но есть же другие, не столь заметные, как двурядные головы отклонения в здоровье. Ведь «униш» не всесильна, не все может умелым воспитанием и прилежанием нянечек испра-

вить. Иногда не получается. Так что за здоровых парней – культурная, умело замаскированная драка между военно-учебными заведениями. И потому...

Разумеется, если действительно никто ничего не заметил, и все дело в умелом сокрытии перед встречными своих тайн, тут уж...

Знай об этом военно-морская, да и любая другая разведка, ушлые ребята оттуда абитуриента Стата Косакри обязательно бы нашли и, во имя императора, бога Эрр и мамы-звезды Фиоль, как пить дать к себе переманили. Так что тем паче, не гоже преподавателям-морякам слишком пристально вглядываться, а тем более в личном деле карандашиком что не надо метить. Пусть поступит, там видно будет. Эскадренный боцман что надо заметит, и где требуется резьбу-гаечку в мозгах пустотелых подкрутит. Тем паче, не слишком они пустотелые и разбазаривать такое добро не стоит. И так не справляемся. Корабли со стапелей сходят и сходят, а на всех них требуются грамотные, с руками-ногами и однократной головой, командиры и помощники командиров. Только успевай в Академии Флота Закрытого Моря погончики навешивать и кортики с посеребренными ручками выдавать. Приклонил колено, и ать-два по трапу на борт, а там, как судьба вынесет, может и действительно на капитанский мостик.

Стата Косакри вынесла. Правда, у него был не мостик, а...

7. Весы

Очень просто представить себя на месте капитана «Герцога Гращебо». Задание у него, в изначально плановом виде, по-видимому достаточно тривиальное. Подумаешь, прийти, не слишком заходя, в указанные координаты; осмотреться; дожидаться прохождения «Кенгуру-ныряльщика». Зафиксировать время, курс, и высунув антенну наружу сообщить в МЮКР, что наблюдаемый «живехонек» и успешно прошел нужную точку коррекции. Ну может, для довеска, еще проследовать некоторое время за «Кенгуру», прикрывая тылы.

В сегодняшней ситуации командиру «Герцога» есть от чего взяться за голову. Вместо – точнее ранее – «Кенгуру» прибыла целая «топящая пятерня» южан. И прибыла наверное вот-вот, ибо если бы гораздо ранее, то уж наверно «Гращебо» умудрился бы сообщить в МСОО о превосходящих силах и те бы с помощью сверх-длинноволновой связи сумели б передать на «Ныряльщик» предупреждение. Хотя, Звезда-Мать свидетель, с этой бюрократией Министерства Стратегической Обороны Океана может случиться всякое. Вдруг предупреждение «Герцога» просто-напросто не дошло? Вражеское помеховое поле задавило передачу! Тут в местной эскадре уже выявлены «плетенки»: они штуки длинные, в них, наверное, всякие изыски аппаратуры можно напихивать и напихивать. А может командир «Герцога» даже не имел возможности что-либо сообщить. Или тут его изначально заставляют маневрировать только так, как выгодно брашам. Еще бы, такой перевес. Хорошо уже то, что он вообще еще здесь. Командир Серого флота явно не трус. Крейсировать тут среди десятков нацеленных в твой корпус «гвоздей» – дело совсем-совсем непростое. Нервы – дело серьезное, они могут не выдержать. И тогда: полным ходом хотя бы куда-нибудь подальше. Или: долой прозрачные боевые колпачки на пультовых кнопках и...

Соотношение по количеству запущенных торпед, даже при перехвате инициативы, все едино, одна к трем как минимум. И главное, брашские радио-дипломаты могут совершенно не маскировать потопление «Герцога». Наоборот, требовать у Империи объяснений за агрессивную выходку Флота Закрытого Моря.

Ну, а если без перестрелок и прочего, то опять же, что ждет капитана «Гращебо» по прибытию в адмиралтейство ФЗМ? «Доложите, почему вы не выполнили задание по безопасному прохождению «Кенгуру-ныряльщика» в заданной вам акватории?». И уж иногда действительно лучше славная смерть в схлопывающемся от давления железе, чем теплые капли пота на висках, под холодным взглядом обвинителя «чаек-патриотов». И понятно, что нервы командиру требуются действительно железные, ибо много часов они работают как весы, по одну чашу которых эти самые капли, а по другую батарейные мембраны вражеских «гвоздей». Пока, кстати, все сохранялось в равновесии, но теперь на место прибыл не запоздавший, но явивший не к первому акту, «Кенгуру-ныряльщик». И теперь он тоже брошен на чашу весов. Куда-то они шатнуться?

8. Пираты и договор

Вообще-то номинально, по крайней мере, в результате Второго Аберанского мира, экватор на Гее обязался стать чёткой разделительной полосой. Но как известно, обе высокие стороны данной планеты не любили особо договариваться, а если в чем-то и договаривались, то очень скоро начинали испытывать любые договоры на прочность, проверяя в силе ли противник обеспечить выполнение подписанной бумаги. Кроме того, на экваторе очень сложно установить какую-то маркированную границу, тем более в глубине воды. Как следствие, и браши и эйрбаки тут же начали игнорировать свои же подписи, ссылаясь на плохую видимость, или на слабую ориентацию в акватории столь большого океана. Так что, поскольку экватор не стал настоящей следовой полосой, и каждый норовил ее миновать при любом удобном случае, а любые ноты по данному поводу игнорировались, то против нарушений имелось только одно средство – расценивать любых нарушителей как пиратов.

Ведь для пиратов, по крайней мере, по их разумению, границ не существует в принципе. В лучшем случае, вся вода для них как бы нейтральна, ибо они следуют по водной глади куда угодно. Опять же теоретически, а может и практически, любые суда встретившиеся им на пути считаются их добычей. Следовательно, в противовес этому и те самые суда, столкнувшиеся с пиратами, обязаны рассматривать их как опасных противников, коих требуется атаковать незамедлительно, ибо через некоторое время, все едино, подвергнешься нападению сам. Кроме того, если подумать, то при удачливой ситуации, пиратские корабли не обязательно тут же топить, вполне разрешается и захватывать. Так что в этом плане, флоты обеих высоких договаривающихся сторон получили как бы корсарские полномочия. Потому, с такой точки зрения, пиратство на Гее стало считаться как бы узаконенным явлением, то бишь по сути, не являлось таковым вовсе.

Например, любое одиночное плавательное средство противника, в случае перевеса сил тут же атакывалось. Причем в максимально возможном темпе, дабы «мявкнуть», то бишь подать «SOS» никоим образом не получилось. Ибо хотя война дело обычное, но больно уж она хлопотна, когда переходит некоторый рубеж. А так, мало ли что? Мало ли в океане гибнет корабликов по естественным, природным причинам? Ураганы способные обогнуть весь водный мир! Волны-убийцы, неизвестной и доселе не исследованной природы! А может быть даже, какие-нибудь гигантские хищники? Мало ли что может обитать в воде, слой которой местами покрывает сушу двадцатью и более километрами? Кроме того, некоторые исследователи-океанографы утверждают, что морские ядерные взрывы, и даже затопление отработанных реакторов, влияют на океаническую фауну. Кто гарантирует, что в море за последнее время не завелось что-либо воистину большое?! Способное, по ошибке или там как, глотнуть какую-нибудь китобойную базу. Так что, сами понимаете. Мы ничего не видели. Но у нас тоже иногда пропадает то или сё. Бывает, даже линейный корабль. Совсем, совсем не стоит, плавать в одиночестве. Моря-океаны стали столь непредсказуемы. Тем более, хищникам-мутантам ведь не объяснишь, что этот корабль военный, а этот совсем мирный – рыбку ловит. Им, понимаете, все равно. Во втором варианте даже хуже. По разумению хищника – это прямое расхищение его личной собственности. В общем...

В общем, обороняем свою половину океана всю и везде. А при случае, и чужую половину. Как говорится, «что получится» может быть потоплено где угодно. Единственное ограничение, делать это тихо, а значит никоим образом не с помощью ядерных зарядов. Те, только в пределах указанных тем же Аберанским миром рубежей и случаев. Допустим при заходе в подконтрольное полушарие чужих калибров свех-опасного уровня. Тут уж извините!

Однако какие-нибудь въедливые юристы могут накопать, что в упомянутом договоре имеется пункт о предварительном предупреждении. Ну что ж, радио изобрели давно, а

конкретное время паузы перед применением оружия не оговорено. Вполне нетрудно за две секунды до команды «Пли!» переслать цели текст подзабытого меморандума. Пусть просветятся, пока снаряд движется по траектории.

Так что, в общем-то, соблюдать планетарные договоры вполне не трудно. Надо лишь иметь желание.

9. Осциллографы и кривые

Ладно, самый героический вариант из имеющихся – это бой. Надо бы подготовиться к нему достойно, тем более что скорее всего он начнется не по эйрарбакской инициативе, и значит останется очень мало времени для доблести. Обидно, если вся она схоронится только в возможных, но не осуществившихся вариациях конуса будущего; не перетечет вниз, выдернутая нитками наших желаний.

Итак, что там напредставляло наше сознание, что там оно напроектовало в отгороженной двойной переборкой тьме? Что оно там родило и домysлило исходя лишь из рисования осциллографов и жрущей атомную мощь без меры математической машины Понча Эуда? Что там за призраки в подводной ночи и как мы можем с ними бороться? Может быть, достаточно будет отключения питания осциллографов? и тогда вместе с диаграммами сдует и маскирующиеся фоном субмарины? Кто собственно проверял метод? Однако это вне правил игры. И значит, действуем как принято.

Кто там у нас поближе, и уже находится в зоне досягаемости «гвоздя»? Пожалуй, пока никто. Может уже пора шевелить рулями, увеличивать ход и сближаться, дабы успеть выйти на рубеж атаки до пуска чужих подводных снарядов? Наверное, не стоит. Такой маневр может быть действительно истолкован как атака, а к тому же, только Мятая луна знает, реальный диапазон стрельбы вражеских «гвоздевых пушек». Тогда, может пустить в дело самонаводящиеся торпеды? Их дальность поражения уже позволяет. Однако что толку? С такой дистанции их спокойно перестреляют те же «гвозди». Что-то может выгореть разве что при нацеливании в старую посудину «мокрицу». Вполне вероятно, далекие южно-континентальные портовые механики скажут нам за такой подарок спасибо. Легко представить, как им надоело латать трещины в корпусе этой древней кастрюли. Однако будет небольшим подвигом обменять супермодный «Кенгуру-ныряльщик» на гнилую, допотопную железяку.

Тогда может, «продувка!» и «рули – на всплытие!» А там, «верхнюю мембрану расчехлить!» и «программируемые двух-средовые «супер-гвозди» в очередь!» Если повезет, успеем услышать, точнее, разглядеть в растянутом экраном синусоидном месиве, как хлопнет в водную толщу полетавший в воздухе снаряд. И даже, убедимся в его функциональности, по излучению пиктограммы поисковой головки.

Однако и тот и этот вариант предусматривают нападение на брашей. То есть может быть даже развязывание войны. Там, в адмиралтейских бункерах обоих континентов пальцы дежурных адмиралов всегда на кнопках оповещения. Вполне может случиться, что эта стычки на экваторе послужит детонатором для всеобщей команды «фас!» Разве кто-то сверху давал нам подобные полномочия?

10. Хирургия, воспитание и генетический код

На счет того, куда девались всяческие живородящиеся уродцы – эдакие пенки Второй Атомной – вопрос особый. Вряд ли кто-то всерьез поверил мелькающим циклов пять-десять назад сообщениям об успешном удалении у того либо иного жителя отдаленной провинциальной деревни второй, паразитной головы. Хотя разумеется, кто спорит по существу? Возможно, элитные имперские хирурги напряглись и сотворили реальную сенсацию. Конечно, дело происходило не в прямом эфире, так что мало ли что там в действительности деялось. Может, провинциалов тех было не один и не два, а десяток или более. И прежде чем у скальпельных мастеров что-то наконец вышло, они уж весь предыдущий десяток переработали в фарш. Ну, а когда наконец-то получилось, тут уж поддетая на ниточку пресса взвилась победными реляциями и репортажами. Кстати интересно, откуда в каких-то отдаленных от метрополии и побережья Эйрарбии местах завелась экзотика? Вроде бы браши во Второй Атомной запалили ядерные гостинцы именно вблизи своих плацдармов. Хотя кто знает, как там атмосферные течения разносят поверху, а потом просыпают вниз радионуклидную жуть, вдруг всю ее скопом возле тех самых захолустьев и валят грудой? Если так, то забота великого Красного бога Эрр прямо-таки на лицо; он явно хорошо ладит с арифметикой, ибо если б осколки трансуранидов выпестовались из атмосферы где-то в центральных магистратах – жертв оказалось бы не меряно. Конечно, лучшим вариантом стала бы дармовая транспортировка вознесенных изотопов куда-нибудь ближе к Брашпутиде, но уж и на том спасибо. Может у бога заведующего войной свои соображения. К тому же, некоторые бесхребетные языки рассказывают, что псевдо-дочеловеки браши тоже ему молятся, только зовется он у них по чудному – Кровавый Пожиратель.

Ну так вот, даже если отдельные достижения пластической хирургии Империи имели место в действительности, вряд ли только этим можно объяснить отсутствие среди выпускников «униш» двухголовых и трехногих монстров. Предполагается, что не зря именно после Второй Атомной воспитание детей в семьях было запрещено, не только по вроде бы природной кровожадности императора Граупприса жесточайше подавлялись «мамкины бунты». Наверно, хотя это может быть только догадками неподкрепленными статистикой, именно после сбрасывания брашских «свиноматок» в океан и начала загибаться вверх кривая рождения уродцев. Едва выстоявшей после агрессии стране было вовсе не до благодушного созерцания реальности – уж как случилось, пусть так и будет. В больничных палатах вполне, даже с перебором, хватало полуживых зрелого, утилитарного возраста, и вовсе не дело было бы в тот час разбазаривать ценнейшие медикаменты, и многосменное недосыпание врачей на нежизнеспособных представителей будущего поколения. Требовалась срочная селекция.

Однако люди не растения, не все решатся на самостоятельное устранение ошибок природы. Дело требовалось брать под серьезный контроль. И может, действительно Грауппрису Тридцать Первому просто не повезло, а сам он был вполне мягоньким по натуре – хуже оловянного имперского парашютиста никого-то в своем детстве лучезарно-провинциальном не обижал, да только, как говорится, «время выбрало». Куда ж деться от судьбы? Ну, а уж после подавления восстаний вполне жизнеспособных взрослых, пытающихся прорвать стены «универсальных школ» – отобравших у них детушек, – когда пришлось организовать для отпора армию, со старым Золотым веком Эйрарбакской Империи пришлось распрощаться навсегда. Ведь новые поколения все поголовно пришли оттуда, из «униш». К строгим тётечкам с двумя руками и розгами они привыкли с младых ногтей, престарелых пап-мам у них не имелось, так что шантажировать их было нечем, а управлять проблематично. Разве что прямым принуждением. Однако это иллюзия, никто еще только на розгах и полицейской дубине далеко не уезжал. Но ведь воспитывают не только розги, еще и коллектив. А коллектив – это великая сила. Кто не верит, посмотрите на опоясывающий империю Большой вал береговой обороны! Думаете,

супер-пупер экскаваторы? Ничуть не бывало – мобильные атомные реакторы позарез нужны танкам, а не строительно-монтажной технике. Мерно и с энтузиазмомдвигающаяся лопата – вот основной политический и военный инструмент.

Ах да, мы беседовали о должном появиться и поглотить все и вся поколения уродов? Что-то не наблюдается. Видимо «универсальные школы» сделали свое дело – они произвели отбор. На самом раннем этапе. Величайшая на планете империя крепко тискала в руках не только штыковую лопату, но и генетический контроль над населением.

И кстати, никаких абортов. Рожайте, кто и сколько захочет. Только приносите куда надо ваших детушек, мы сегодня их за ужином...

Короче, будут из них новые люди.

11. Наблюдение

Значит позиция – тайно ко всему готового наблюдателя – это сейчас верх благоразумия. «Я надеюсь на твою осмотрительность», – вот как выразился тогда двузвездный Критхильд. Хотя, что в настоящий момент есть Критхильд? После полумесяца подводной жизни – смутный образ, а реально, может и давно несуществующий субъект. И уж точно, он теперь менее значим, чем любая из осциллограмм в выпуклом экране. Да вообще-то, с ними сейчас и не стоит сравнивать. Они важнее, чем окружающие, вперившие глаза в эти же развертки люди. Случись сейчас с любым из них что-нибудь... Допустим, сердечный приступ или кровоизлияние в мозг, от перенапряжения – что с того? Прочь с кресла, и в сторону. Пусть с ним занимается кто-то на заднем фоне. А в кресло, к пульту – срочную замену. Чтобы наличествовал воспринимающий сигналы аналитический механизм. Так же точно, как и с выходом из строя какого-нибудь электронного блока. Чуть что: выдергиваем из стены, к Мятой луне разъемы; ящик с ЗИП-ом наружу и новую, «с нуля», технику «в обойму». С шалющим узлом будем разбираться потом, после боя, если останемся жить. Так же и с человеком. Потом будет бортовой госпиталь, и гостинцы из секретной, припасенной для праздников заначки, и щадящие похлопывания по плечу: «Давай, быстрее поправляйся, нам так тебя не хватает». И значит, что есть вся эта людская суета вокруг? Совсем ничего не значащая толкотня. Брожение, акустические колебания в перепонках, если закрыть глаза или окончательно сосредоточиться на мельтешении лампочек. А если надеть наушники, то уже даже не в перепонках. И тогда только те, не ощутимые внутренним ухом, растянутые в синусоиды, и тоже вроде бы акустические волны откуда-то снаружи.

Если, разумеется, верить, что там, за панелями, действительно есть какие-то хитрющие сенсоры-поисковики, преобразующие что-то уж слишком длинноволновое – запросто, без помех, огибающее всего «Кенгуру-ныряльщика» целиком – в нечто более компактное, и наблюдаемое в экране. Значит, наше дело, а по большому счету – цель существования – смотреть в этот самый экран, дешифровывать стоящие и бегущие по нему импульсы, уяснять акустические колебания докладов, и вовремя, без задержек выдавать ответные импульсы-колебания. То есть, делать нечто похожее на участие в игре. Только относиться к этой игре требуется с полной серьезностью, даже хуже, ни в коем случае не показывать, что ты раскусил суть загадки. И дело в общем-то не в том, что в случае раскрытия обмана, тебя выставят вон. Дело в том, что если только незримый партнер, вырисовывающий экранные синусоиды и все остальное помимо экрана, догадается о твоём тайном скепсисе, он сразу перебросит игру на уровень выше, или на несколько уровней. Тогда ожидай сюрпризов. Возможно, кто-то в боевой смене действительно свалится в обморок, причем, в падении задев какой-то из архиважных тумблеров на пульте. А быть может, где-то за несколькими, подозреваемыми в реальности, отсеками самовозбудится торпедная головная часть. И тогда вокруг начнется такая сумятица, что игра замаскируется окончательно.

Так что не будем раздражать дракона, продолжим играть по правилам – верить полной реальности и интерпретации осциллограмм.

12. Сказки моря

Вторые парусники

Вообще, когда-то ранее, мир создаваемый вокруг был много интереснее. Правда, пере-
кос как всегда имелся в сторону ужастиков. Но уж так в этом сценарии вселенной повелось.
Тогда Стат Косакри не имел еще в подчинении атомохода, да и вообще, его плечи не украшали
офицерские эполеты. Он был курсантом-стажером на эсминце-корвете «Пришелец-Близнец».
(Название пришло из астрономии; в честь несколько раз за всю историю науки наблюдаемого
холодного объекта, летающего по своей сложной траектории парой). Атомный эсминец-корвет
это очень легкая, скоростная плавающая машина. Броня у него жиденькая – по меркам Геи ее
даже попросту нет, – пушечные орудия отсутствуют, есть разве что пулеметы, от дирижаблей
отмахиваться, а главным оружием значатся торпеды. В общем, цель «жизни» корвет-эсминца
– обнаружить в процессе фланирования по морю вражескую эскадру, пустить в ее сторону
пару-тройку самонаводящихся торпед и скрыться в самодельной дымовой завесе, задейство-
вав реактор на предельную мощь. Эдакое оружие слабых, даже как-то не вяжущееся со стату-
сом мощнейшей на свете империи. Да разумеется, таким образом допустимо шалить только
в период войны. А матросу-курсанту Косакри пришлось служить во времена вполне мирные.
Кстати, каждый будущий офицер-подводник обязывался пройти одну из стажировок в надвод-
ном флоте, так сказать, «для выработки навыков взаимодействия и образного понимания про-
исходящей на театре военных действий ситуации».

Так вот, в мирные времена корвет-эсминцы занимались патрулированием океана Беско-
нечности и не только в своем, Северном полушарии, но весьма часто и в Южном, отошедшим
по не слишком давнему, но усиленно забываемому ВАМД (Второму Аберанскому мирному
договору) к Федеральному Союзу, ныне – Республике Брашей. В случае необходимости, высо-
кая скорость позволяла эсминцу оторваться от тяжелых крейсеров, по крайней мере, так сле-
довало из теории. Ну а цели внедрения в чужую сферу влияния могли быть самыми разнооб-
разными, иногда даже совершенно непредусмотренными изначально. Например, тот случай с
перехватом пиратского парусника брашей. Перехвачен он, кстати, был южнее экваториальной
границы, но ведь перед этим он однозначно побывал на севере.

Шел век Вторых парусников – своеобразная реакция на топливный кризис. Если для
военных кораблей реакторы стали делом привычным, и команду совершенно не волновало
являются ли их боевые походы рентабельными, то для торгово-рыболовного судоходства дело
обстояло совершенно не так. Мало того, что плутоний с ураном стоили неимоверно дорого, так
еще абсолютно все добытые рудокотами расщепляющиеся материалы предназначались исклю-
чительно государственным структурам. Ну а когда нефть стала выжиматься из скважин по
капелькам, тоже самое произошло и с природным топливом. Частному капиталу пришлось
выкручиваться. Вот тогда и наступила эпоха Вторых парусников.

Правда, рассказывают, что без вмешательства правительства Федерального Союза Бра-
шей дело не обошлось. Наверное, это так и есть, ибо где частникам набраться денег на иннова-
ции? Хотя конечно они могут и наличествовать, но рисковать своими кровными за абсолютную
новизну – дело частному бизнесу не свойственное. Возможно, правительство имело тут свой
резон. Вдруг в процессе экспериментов появится нечто подходящее для применения в бою?
Не обязательно торпеда на парусах. Но допустим, какой-нибудь бесшумный фрегат – поиско-
вик эйрарбакских АПЛ. И кроме того, в конце-то концов, война войной, но ведь даже тем
же матросикам надо иногда что-то жевать. Или каждый линкор должен еще и рыбу удить? А
эсминец, вместо пассивной антенны, волочь по глубине трал? Так ведь ударные армады, кроме
всего прочего, еще и не всегда где надо плавают. Например, в акватории архипелага Слонов
Людоедов.

В тамошних, на горе не слишком глубоких водах, после морского сражения – так и названного: «Битва за острова Слонов Людоедов» – одновременно затонуло около двадцати атомоходов. Так мало того, что на некоторых особо крупных линейных кораблях имелось по нескольку реакторов-двигателей, многие ушли под воду с неиспользованным ядерным потенциалом. И погрузилось все сие добро, понятное дело, не просто в целостности-сохранности, а порядком раскуроченным. Как результат, эта самая островная гряда не только никому теперь не требуется, как место базирования, так еще в тамошней акватории невозможно есть рыбу. В смысле, есть-то можно, но вот насладиться перевариванием не получится. Некоторые привирают, что после жарки той трески-ставриды даже сковородки еще долго светятся от наведенной радиации, а уж желудки... В общем, в флюорографию можно не обращаться. Да кстати, пагубный фактор сказался не только на водоплавающих, архипелагу тоже досталось. Так что эти самые, уникальные слоники, в честь которых пошло название, также улеглись брюхом кверху. И местные аборигены за компанию. Оказывается слоны-людоеды не успели их всех слопать, или может ретроспективная молва приписала им излишнюю плотоядность. Однако теперь уже не разобрать. Правда, ходит какой-то непонятный слух, будто те хоботатые каннибалы вымерли не повсеместно, и будто на одном из островов теперь завелись монстры почище их дедушек и бабушек, и будто те слонятки стали еще толи невидимками, толи научились менять окраску, как хамелеоны. И вроде бы теперь, обнаружить их можно только в последний момент, когда хобот-душилка накручивается сзади и мягким усилием разъединяет шейные позвонки. Говорят, в момент удушения сам хобот становится виден – краснеет, ибо к нему приливает кровь. Конечно, слухам такого плана цена четверть медного грауприса за дюжину, тем более что официально никто из людей на островах не бывает. Но все же по другим слухам, где-то на архипелаге размещена исследовательская станция, для изучения приспособливания к условиям жизни при повышенном фоне. Если так, то ясно откуда дует ветер, то есть распространяется шепоток. Пока на такой работе дождешься прибывающих за три моря сменщиков, да на светящуюся рыбку налюбуешься, таких страстей в голове наизобретаешь, что в нормальных условиях и рассказать неудобно.

Так вот, с боевых кораблей треску и сельдь ловить массово как-то не пристало. И значит, любому царству-государству требуется специальный рыболовецкий флот. А еще конечно, страсть как нужны относительно дешевые транспортно-торговые эскадры. Хотя бы для снабжения тех же самых передовых военных баз. Вот потому правительство и спонсировало всяческие изобретательства касающиеся производства ветродувных кораблей. Естественно они появились не только у брашей, но и у Эйрарбии. Ведь топливный кризис взял за горло сразу всех.

Вторые парусники значительно отличались от древних, известных по гравюрам Первых. Тут вовсю применялась автоматика. С помощью нее паруса складывались, вертелись туда-сюда и натягивались на реи. Может, это было не слишком дешево, но все-таки экономичней, чем цикл напролет возить по морю несколько сотен крепеньких мужичков, основное предназначение коих лазать и скакать по мачтам туда-сюда. Дело даже не в том, что человек явно, вопреки одной из диких теорий, не произошел от приматов лазающих по секвойям. Может, таковое ответвление рода и имелось, но ясно почему сгнуло. Ибо при каждой скрутке парусов, кто-то, на высоте, не удерживается, кувыркается, и испытает состояние невесомости где-то в течение трех с половиной секунд, а замазка мастикой места стыковки его головы с палубой заставляет самые туповатые мозги не в шутку задуматься о бренности окружающего бытия. Дело в том, что всю эту ораву троглодитов приходится все время кормить. То бишь, вся выловленная рыба тут же и перерабатывается в отходы. И конечно, круговорот пищевой цепочки это очень правильно, но все же, главная цель плавания под парусами значилась в перекачке рыбы из глубины на материк. В общем, автоматика тоже конечно требует питания, но добывать и транспортировать киловатты гораздо легче.

13. Команды извне

Правда, правила все равно могут меняться. Но не нами – внешними обстоятельствами. Точнее, вроде бы внешними. И доводятся они опять же через синусоиды и прочие колебания. Например, вот так:

- Шторм-капитан, донесение по акустической линии!
- Шифровка?
- Да.
- Распечатку!
- С дешифровкой или...?
- Бегом!

Ясно, что это от «Герцога Грачебо». Больше не от кого. Больше никто из своих в окрестностях не обнаружен, а сообщения из адмиралтейства ФЗМ и Министерства Южно-Континентальной Разведки идут по СНЧ. Разумеется, в деле могут быть задействованы океанические буи. Но маловероятно, дорогое это удовольствие – разбрасывать по океану неохраемое имущество. Теперь отрываем глаза от экранов и кнппелей и читаем хронопластину.

«Командиру «Кенгуру-ныряльщика»! Во имя Звезды-Матери, уходите на полной скорости!!! Я обеспечу прикрытие! Командир «океанского хищника» «Герцог Грачебо» тенор-капитан Ирсат Лърибо. Серый Флот Закрытого Моря».

Как прикажете это понимать? Переспрашивать не получится. Посылать сообщения в окружении врагов – это лично дело тенор-капитана Лърибо. Но нам, ко всем прочим неприятностям, не хватало еще выдать «Кенгуру» с головой. Хотя конечно, если командир «Герцога» обнаружил наше прибытие, то какая гарантия, что нас не слышат и все остальные участники спектакля? Ладно, сейчас дело даже не в этом. Никто от нас ответа и не требует. От нас, кажется, требуются действия. Рассуждать получится после. Хотя для порядка надо бы кое-что проверит.

- Можно, хотя бы примерно, указать направление посылки сообщения?
- Даже вполне точно, шторм-капитан. С вероятностью восемьдесят пять процентов оно с «хищника» «Герцог».
- Благодарствую.

Ну, что ж, просто так «океанские хищники» себя сами не выдают. И для красоты, в боевых сообщениях, не лепят восклицательные знаки без счета. А значит...

Жмем кнопки и, на всякий случай, дублируем голосом:

- Вернуть власть автопилоту рулей!
- Автопилот в активном режиме!
- Боевой поворот на девяносто вправо! Угол погружения двадцать!
- И снова «есть то, и есть сё».
- Реактор! Полный нагрев!

Действуем, ибо на этом поле главные игроки куда не в нашей боевой рубке. А значит, мы сами только передающее звено от совсем незнакомого, но видимо очень решительного человека-призрака Ирсата Лърибо. И никаких шуток. А обдумывать, что к чему будем после, когда появится время.

14. Сказки моря

Акватория солнечного фокуса

Был ли данный парусник тривиальным явлением? Не в конструкции – в плане груза, понятное дело. Может быть, для кого-то и так. А для курсанта-моряка Стата Косакри это оказалось в некотором роде откровение. Даже его догадки об искусственности мира на миг, но пошатнулись. Ведь в трюмах брашского ветрохода находилась вовсе не рыба.

Южанам не повезло. Хотя у них была и не старинная деревянная посудина, вылепленная с гравюр, а настоящий пластиковый корабль эпохи Вторых парусников, он все едино не изменил свою природу. Не на звездном ветре же он путешествовал, правильно? А потому когда трехмачтовый транспорт попал в зону ССФ – сдвоенного солнечного фокуса, – все его многочисленные косые и многорядные прямые паруса из искусственного волокна провисли так же как и у древнего Первого парусника. А ведь еще наверное «морские леопарды», времен романтических открытий, предупреждали салаг: «Не дай вам Фиоль-Мать, и убереги покровительница моряков луна Странница, от попадания в ССФ». Понятно, у брашей боги именовались несколько по-другому, что не суть. Ибо в зоне ССФ всегда, по божественным, или там, геофизическим законам, наличествует полное отсутствие ветра – мертвый штиль. Ну а эта брашская баркентина «Хромой затейник» умудрилась угодить прямо туда. То ли она была перегружена более чем надобно, и капитан не рассчитал скорость, то ли был убежден, что важнее уйти с Северного полушария, а уж в своей половине мира и ССФ не страшен, однако он туда угодил.

Вообще конечно, в какой-то мере южанина понять можно. Наверняка у него имелась связь с одной из брашских морских армад. Ибо стало бы совсем эпилепсией рыпаться в подконтрольную эйрарбакскому флоту зону, не имея понятия, где в настоящий момент находятся их патрульные силы. Потому он видимо и торопился уйти, ибо с северо-востока приближалась патрульная «стая» Белого Дважды Ордена Золотой Черепахи флота, а маневр с обходом зоны возможного сдвоенного фокуса затягивал нахождение за линией экватора. Кто знает, вдруг какой-нибудь далекий носитель «загоризонтника» уже послал импульс в его сторону, так что в случае чего «баки» могли садануть гроздью снарядов даже не высунувшись из-за горизонта? Парусники не таскают лишнего оборудования, и нет никакой возможности выяснить прошелся по тебе радиоимпульс загоризонтного локатора либо нет.

И наверное, даже после, угодив в ССФ, капитан федералов тоже не очень волновался. Судно его состояло в основном из пластика, покоилось на одном месте, паруса полностью уложены, так что для всяких радаров оно теперь представляло не самую удобную цель. Так, фоновый элемент, который вполне можно «прохлопать» среди прочей экранной ряби. Откуда он мог знать, что его выдаст пение?

15. Полный ход

«Кенгуру-ныряльщик», идущий на полной скорости, слышен наверное на триста километров. Весьма интересно, как можно «прикрыть» шумовые составляющие шести водометов-толкателей? Чем так сильно получится отвлечь седую древность буксируемых «мокрицами» сонаров? А уж тем более, растянутую вдоль длиннющего корпуса «плетенки» бортовую все-диапазонную антенну? Может, командир «Герцога» провокатор? Завалил дело, привел за собой в место встречи хвост из целой «топящей пятерни»? Насобирали по дороге всю эту разноплеменную кавалькаду? Теперь дрожит за серебряные нити погон, ищет способы выкрутиться, поставить между собой и адмиралтейством какой-нибудь буфер? Тут как раз и подворачивается наивный, верящий соратникам, шторм-капитан Стат Косакри. Потом, во время служебного расследования, появится шанс, пусть и не оправдаться, но по крайней мере, запутать дознавателей. Тем более если они будут из «черных чаек», то есть вообще-то, не специалистами по морской тактике – все больше по выдиранию ногтей в процессе внутри-армейских разбирательств. А еще лучше маскировка может прокатить, в случае если браши все же не удержатся и запустят на звук водометного оркестра несколько дальнобойных торпед. Тогда можно вообще не упоминать о своем провокационном сообщении. Мол, так и так:

«Понимаете, все шло как положено; я сидел как мышь; «Кенгуру» тоже поначалу делал все правильно и плыл разве что по инерции; но потом вдруг у капитана – извините, не имею полномочий ведать его фамилию... (Косакри, говорите? Спасибо)... Потом вдруг этот самый Косакри, ни с того, ни с сего, дает полный ход и, ясное дело, будоражит всю округу. Ну а у брашей нервы не железные: тишина, тишина и вдруг, понимаешь, такой рев в каких-то пятидесяти. Ясно они, по всей видимости, перепугались – с чего это вдруг враждебным силам себя выдавать за просто так? может напредставляли себе бог Эрр знает что; решили наверное, что этот... Косакри, да?... что он установил термоядерную мину, а теперь «делает ноги», дабы не угодить в эпицентр; ну и наказали его на свой манер».

Однако все эти будущие процессы, это все из головы. В том плане, что выданное отсюда сознательно, наивная попытка заглянуть в опрокинутый конус будущего. Но на самом деле, командир «Герцога» задал хороший ребус. Точнее, если рассматривать его сообщение как ребус. Но если серьезно, то принимая текущую обстановку все-таки за реальность, как-то тенор-капитану Ирсату Льрибо сейчас должно быть не до посылки ребусов однополчанам. Брашские подводники люди простые, они могут понять обмен сигналами только лишь как попытку синхронизировать действия перед атакой. А какой метод в глубинах, да и над океаном Бесконечности эффективней всего сводит к минимуму ущерб от вражеского нападения? Только опережающий ход. Так что не стоит из-за любви к головоломкам подставлять армированные резиной бока «Герцога Гращебо» под произведенные на Брашпутиде «гвозди». Нормальный подводник делать это не будет, по крайней мере, за так. Ну а не за так...

В общем, лучшим видом деятельности сейчас будет понять послание Ирсата Льрибо совершенно однозначно. Реагировать надо мгновенно, а все инсинуации будут после. Итак...

– «Машинное»! Все движители-водометы – полный ход!

Пусть в примитивной «мокрице» у брашей-акустиков хлынет из ушей кровь, а на экранах продвинутых «плетенок» амплитудные пики выскочат за границы экрана. Нам все равно – мы уже сдернули забрало.

До-свидание, господи! Что-то нам тесно в вашей разношерстой компании!

16. Сказки моря

Зона свободного предпринимательства

Да, лучше б в трюме у красивой гражданской баркентины была действительно рыба. Она молчалива от природы и не умеет петь. Кстати, рыба в трюмах федерального парусника тоже наличествовала. Даже не простая, а летучая. В зонах воздействия некоторых теплых течений, особенно в период совершенно несинхронной миграции, это океанское чудо несется над волнами длиннющими, прямо-таки от горизонта до горизонта, сверкающими стаями. Просто бери сачок, подставляйся и лови; еще лучше трал. (Кстати, для такого случая, действительно существуют специальные сети, пристегиваемые между мачтами двух идущих параллельно судов). Но на борту «Хромого затейника» рыба наличествовала не в качестве товара, она была лишь маскировочным фоном. Правда, ее тоже насыпали в трюм. Но только в качестве верхнего «защитного» слоя.

Если над таким обстоятельством хоть чуточку подумать, то можно даже несколько зауважать брашей. Не этих с парусника, а в целом, сам Федеральный Союз. Ведь вряд ли маскировочные меры планировалось использовать против эйрарбакских военно-морских сил. Те, на подконтрольной и отошедшей по договору акватории, могли расстрелять из пушек просто за национальную принадлежность. Так что тут, как ни крути, предусмотренная маскировка против каких-то океанических полицейских патрулей собственного засола. Однако у «массового промышленного производства» свои тонкости. Там некогда возиться на индивидуальном уровне с запиранием каждой способной издавать звуки гортани; к тому же, через нее вообще-то еще и дышат. Да и наверняка никто не предусматривал «проколов» в этом плане. Ну, устроили хоровое пение, свались сверху Оторванная Голова Черепахи. И что? Здесь, через прикрытую грузовую створку, да еще через полуметровый слой крылатых рыбешек, почти и не слышно. Тем более, раз поют, значит дышат. И даже наверное хорошо, что посыпаны рыбкой: она мокрая, холодная, а здесь, в зоне сдвоенного солнечного фокуса, когда оба светила быют слева и справа одновременно, да еще нет ветерка даже на скорости сантиметр в час, тут от жары можно просто помереть, не встать. Да еще, окромя того, если кто захочет перекусить, так на тебе – хватай зубками и грызи: обед-ужин в любое время, не по расписанию. Просто таки, «зона свободного предпринимательства» не отходя от дома.

Так вот, «поют, значит дышат» – это хорошо. Но кто ж предвидел, что трехмачтовая баркентина – не линкор – у нее внешние днищевый пояс обшивки достаточно тонок, и оказывается пропускает звук. И вообще-то, производящий разведку чужой акватории «Пришелец-Близнец» искал подводные лодки. Но когда ухо дежурного акустика различило ритмичное завывание, он естественно заинтересовался. Что с того, что пение осуществлялось на чужом, не эйрарбакском языке? Ведь и не на браши тоже.

И корвет-эсминец изменил направление движение. Ведь здесь не требовалось даже простейшего маневра для перехвата – цель покоилась относительно моря. Почему бы действительно не глянуть одним глазком, кто это там упражняется в хоровом песнопении?

17. Прикрытие

А потом происходит такое, что сдвинутые ввысь амплитудные пики осциллограмм шестерки водометов «Кенгуру-ныряльщика» становятся лилипутами. Они просто мгновенно давятся, будто их и не было. И разумеется, можно только содрогнуться представив, что происходит с ушами примитивистов-акустиков «мокрицы», но здесь в боевой рубке новейшего «Кенгуру» электронно-лучевые трубки идут вразнос. Да что там трубки... Звук в воде распространяется гораздо быстрее чем в воздухе, а может даже это сверхзвук в воде! Он такой силы, что опытные операторы жмурятся и отстраняются от экранов, ибо там этот водяной сверхзвук преобразуется в световой поток. Он поражает даже раньше, соревнуясь в скорости с пиком мощности гукнувшего где-то великанского камертона. И еще до того как звук наваливается не только на какие-то импульсы-амплитуды, а на саму физическую реальность, жмет и крушит видимые визуально предметы, тут, в голове шторм-капитана Косакри происходит свое светопредставление.

Пыхает острым лучом звезда озарения, продевая нить из опрокинутого конуса будущего сюда, в воспринимающую мир линзу. И вновь является, поблескивая серебром, паутина, вмиг связывая микробными узелками все причины и следствия обоих стыкующихся конусов – будущего-прошлого. И пораженный вспышкой озарения Стат Косакри готов внимать, отслеживать открывшиеся нити, ведущие ко всем тайнописям вселенной, но тут хитро исполненный мир вокруг режет эту возможность самым чудовищным ножом, оказавшимся под рукой. Ибо звук, превращенный в физику, уже дергает с мест всякие маленькие предметы, типа людей, их кресел, и блоков питания. Он пытается их выколотупать, продеть сквозь продуманно, назло ему, изобретенные ремни и крепежные болтики. В злости оставляет эти крохотульки как есть, и берется за самое большое из имеющегося рядом. Это конечно сам двухсотпятидесятиметровый «Кенгуру-ныряльщик». Звуковой фронт, давно побивший рекорды всяческих осциллографических амплитуд, стремится сделать из него гармошку и скрутить в бублик.

И где-то в нутре колотящейся о бог знает что, может о сами бортики Трехсолнцевой Вселенной, погребушки «Кенгуру», висит, или может уже стоит на руках, абсолютно всезнающий, но сейчас уже не умеющих соображать, бактериально-маленький шторм-капитан Стат Косакри. Он в курсе того, что происходит во всех смыслах. Ведает, что весь этот удар направлен на него, как на эпицентр мира. И одновременно догадывается, что он только песчинка, попавшая в жернова перетирающей самое себя вселенной. Он даже знает, кто конкретно запустил в дело эти всесокрушающие жернова. И совсем это не столкновение с торпедой, как наверное представляется некоторым из пристегнутых к креслам микробов. Это нечто очень даже другое, ибо капитан Косакри, там, внутри себя, все еще видит другого капитана – совсем мелковатого, но толстенького тенор-капитана. Видит, как этот небольшой человечек, давит кнопки и щелкает рубильниками, и производит еще множество эдакого всякого, потому что боится довериться кому-либо другому – нет времени убеждать. Он наверное очень грамотный, этот не слишком румяный толстячек, ибо своими действиями умудряется сделать то, что совсем не предусмотрено – то есть предусмотрено, но в обратном смысле, ибо в нормальном случае сразу отсекается цепями предохранения. Но упорный, обильно потеющий капитанчик все щелкает и щелкает тумблерами; кое-где он даже пользуется отвертку...

Висящий на руках, как на растяжках, Стат Косакри; жаждущий отрезать уши, дабы вырвать с корнем задавившую их боль, или уж, на крайний случай, отрастить еще пару ладоней, которыми можно будет прикрыть эти самые, выросшие вдесятеро органы боли, он сейчас тут, в точке схождения будущего и прошлого, знает к чему приведут эти отверточные маневры. И сквозь боль, глухоту, мерцание, и уже не воспринимаемый визг впервые по-настоящему испытываемых на прочность шпангоутов корабля, сквозь хорошо ощутимую вибрацию собственного

скелета – ибо кости и мясо, оказывается, все же не единое целое – шторм-капитан Косакри силится подтвердить ранее отданную команду «Полный вперед!». Он знает – только в этом их спасение. Хотя казалось бы, что там эти доли метра в доли секунд? когда их нагоняют новые уплотнения-разуплотнения тяжелой среды океана, выведенные из равновесия отверткой Ирсата Льрибо. Уплотнения-разуплотнения, фазовые переходы плотностей, способные убить весь мир своим сверхзвуковым накатом.

И вообще-то, теоретически, если конечно решиться повторить, можно было бы сделать то же самое несколько другим способом. Правда, тоже сквозь предохранительные цепи и наверное, не без отверток и кусачек. И может, это действительно был более легкий путь. Ведь на борту «Герцога Грачебо» имелись спец-торпеды. Их просто не могло не наличествовать на лодке типа «океанский хищник». Но наверное тогда, кроме тумблеров-книппелей и обрезанного загоня воя сирены, на пути, пухленького и румяного в детстве, тенор-капитана Льрибо встали бы еще и неспособные на подвиг люди. Ведь тогда бы они успели связать в голове тумблеры, провода и чужие намерения. А так...

Или может, небольшой, едва сдавший при поступлении в академию физподготовку, Ирсат Льрибо делал то, что привычней, в плане знания назначения тумблеров и кнопок? Да, в принципе, теперь, из будущего, уже не требуется отслеживать все причины и следствия. Важен финал – вот этот, делающий из океана резонатор, процесс. Какая теперь разница, сколькими путями его получалось достигнуть?

Главное, совсем смешной и непривлекательный для женщин, командир «Герцога» сумел решить неразрешимую дилемму следования дальше, вверенной ему под временную охрану, субмарины «Кенгуру». Он был гением, и сделал из океана Бесконечности камеру-резонатор, в которой достаточно просто двигать и двигать по прямой с максимальной скоростью, совершенно не опасаясь, что тебя кто-то каким-то образом обнаружит.

Да, для этого пришлось пустить в разнос ядерный реактор «Герцога Грачебо». И естественно, были другие решения. Например, инициация ядерных БЧ. Но согласитесь, со стороны невольно задействованных в деле южан, такое получилось бы классифицировать как преднамеренное использование специальных боеприпасов! А ведь сейчас все-таки мир. В случае же, самовозбуждившегося реактора – взятки гладки. «Извините, господа дипломаты, так уж вышло. Постараемся разобраться в ситуации и наказать соответствующие технические службы. А что, ваши лодки тоже пострадали? Ах, это секретные сведения. Ну да, ну да. Слава Звезде-Матери, у нас в тот момент ничего в акватории не находилось. Вы уж извините, ядерная энергия – штука серьезная. Произойти может всё!»

Да, как на счет людей? В смысле, личного состава? Тех, которые могли бы помешать тенор-капитану проявить техническую грамотность? Может быть, их следовало...

Но каким образом они бы спаслись, даже если бы чудом оказались на поверхности? Тремя метрами метрами ниже расположился гипоцентр. Язык резонирующего колокола. Да и вообще, для чего это спасение? Для попадания в плен к всплывающим в аварийном режиме брашам?

18. Сказки моря

Народное творчество

Мог ли «Хромой затейник» принять бой? А что, по идее его оружие было немногим хуже чем у «Пришельца-Близнеца». Разве что пулеметы не имели сложной системы автосопровождения и прочих изысков, ну так с ближней дистанции не попасть в корвет-эсминец, просто держа в перекрестии, было бы позорищем. Однако какое дело, пусть слабенько, но бронированному корвету до дождика из пуль? А вот баркентине, с ее пластиковым корпусом, хрупким автоматизированным такелажем, да еще и невозможностью маневрировать, всего лишь через пару-тройку минут пришел бы полный капут. Это не беря во внимание наличие на «Близнеце» самонаводящихся торпед. А к тому же, разве на «Хромом затейнике» наличествовали военные, долг коих перед брашским адмираллиссимусом заключался в «погибаю, но не сдаюсь»? Тут были обычные...

Ах, да сейчас они пытались прикинуться мирными рыболовами:

– Простите нас, господа мира, доблестные императорские моряки, мы просто удили рыбку. Может, нечаянно и забрели в ваши воды, ну так каемся. Звездочек для ориентации в нашем мире не имеется, солнце одно хитро-мудрое, живым глазом не видеть, а другие так голову напекли, что мозги наши псевдо-человеческие, Южным полушарием произведенные, совсем усохли. Помилуйте нас, мы и так, от природы, богами наказаны, и к тому же, рано или поздно, но падет на наш ущербный материк Оторванная Голова Черепахи, точнее, по-вашему исключительно правильному названию, луна Мята. А мы уж вам, милостивым сударям, что хошь, в пределах возможного! Вот, на коленях уже стоим. Можете даже, по обычаю, выстроить нас в линию, и вздернуть на мачте – коих у нас много, и покуда они без дела простаивают – каждого десятого, или даже восьмого, только уж пожалуйста, не всех. А меня капитана не надо вовсе, ибо если уж под моим гнусным командованием умудрились мы сюда, к экватору заблудить, то уж с другими во главе – никогда нам родимой, и к сожалению мерзкой Брашпутиды не разыскать.

– Ладно, понятненько, рыбаки так рыбаки, – отвечала на то призовая команда снаряженная с «Бризнеца». – Что, действительно, великим странам за рыбу ругаться? Ну, переехала она через экватор в трюме без паспорта? Ведь если бы переплыла по глубине, по-своему собственному разумению, так никто бы ей никаких деклараций не предъявил, верно? Верно! И чего-й-то мы вас, бедных кормильцев несчастной, готовящейся к окончательному утоплению, Брашпутиды, будем загодя, и ни за что, развешивать по реям? Разве что, дабы рыба летучая, кою вы обидели, попыталась вас в особо высотных прыжках обглодать? Так нам ли заботиться о её пропитании? У неё есть добрый, большой папа – великий океан Бесконечности.

– Ой, как благообразно и верно сказано! Сколько жить буду, все буду внукам, правнукам рассказывать, как повстречал в море самых благородных и великодушных людей на свете – эйрарбаков из государства Эйрарбия. И не уговаривайте, никак я с колен не встану, и еще пол дня буду в эйфории стоять после вашего ухода, молиться, дабы ветер попутный никогда у вас не кончался, а реактор урановый ровнехонько, без сбоя мощью выдавал.

– Да уж да, такие вот мы добродушные, совсем не сумрачные воины света северного. Одна у нас только есть слабинка, хобби такое безвредное. Скучаем мы на долгом, неустанном бдении службы, а потому любим мы безмерно, когда кто-нибудь из встречных путников поет нам новую хорошую песню... А это ничего, что не на эйрарбакском – мы и другие языковые конструкции чтим. Так что, уважьте гостей дорогих? Да, нам все равно, можете вставать с колен, а можете и не вставать – как удобнее, – лишь бы песня звучала лихо. Ну не! «Как десантник удалой эйрарбаков бил гурьбой» или «Наш «тянитолкай» летел, «абакуров» углядел» и даже «Как «львенок морской» лихо справился с «кишкой» – это, конечно, все весело,

но что-то не по сердцу. Слишком, понимаете, военное, а мы и так от службы утомленные. Ага, есть мирная? «А «львы морские» все ребята холостые». Хм! А, есть и антиправительственная, революционная? Это какая же? «Брашпутида молода все плывет да не туда»? Очень интересно. Есть еще хуже? В смысле антиправительственного фасона? «Как «честный меч» хотел ноги мне отсечь, да не в ногу попал и оружие поломал». Тоже хорошая песнь, но... Ну, давайте жизнеутверждающую. «В оккупанты я пойду, там копеечку найду, а быть может руб...» Не, ну что это в самом-то деле. Ага, можем обидеться? Да уж, попробуйте. «Как поганый эйрарбак делал все у нас не так». Не, эта действительно совсем не годится. Что, и про любовь есть? Так вперед! «Вот кто-то с «горочки» спустился»? Тут ничего, но все ж милитаризмом пахнет. Есть и совсем юморная? «Скальпы «баков» на ремне, а подошвы в их го...». Нет, такую тоже не надо. А это как? «Я Граупприса поймаю, денег вовсе не возьму, про инфляцию я знаю, и бумагу не приму». Нет, такую явно не следует. Как-то не то всё. Тяжело у вас в Брашии с мирной жизнью. Тогда уж спойте нам нечто заунывное на дорожку. Есть таковое? Так выдайте! «Как на день солнцеворота подорвался «лилипут», прямо возле арсенала и теперь нам всем капут». А это заунывная? Да, нет, просто у нас дома тоже есть похожая – она к веселым относится. Не-не, без претензий. Чужая культура – потемки! Но ведь умеете петь, мы ведаем. Однако для гостей стараться не хотите.

– Вот мы покуда сюда плыли, слыхивали, как вы красиво выводили, да еще с переливами. Да на неизвестном языке. А, перед нехорошими, малоразвитыми эйрарбаками, значит, выкладываться не жадете? Кто ж у вас пел-то? Даже, понимаешь, женскими голосами подвывали. Где же женскую половину подевали? Или у вас рыба не только летающая, но еще и тенорком умеет? Ну-ка, поглядим мы все-таки вашу рыбу. Ух ты! Во-та чего тут дется!

19. Траление

И пока «Кенгуру-ныряльщик» несется вперед на полных парах, что мы можем предположить по поводу, и в связи со случившимся? Ну, с героической смертью «Герцога Грачебо» все ясно, понятно. Может, и не очень в деталях – кто какую кнопку жал, и загодя или спонтанно была придумана самоликвидация, а так же, какой процент личного состава корабля поддерживал, и вообще знал о задумки героя-командира? Однако возникает, кстати, всплывая не из слишком больших глубин, законный вопрос. Не оказалась ли высшая степень героизма всего лишь прикрытием чьего-то разгильдяйства? Как и случается при реализации большинства теоретически выверенных планов. Ведь Имперский Флот Закрытого моря обязан был «протралить» данный район вдоль и поперек. Опустить на разные глубины активные сонары и навести в округе такой «шорох», что республиканские лодки должны бы забыть сюда дорогу недели на четыре. Естественно, ФЗМ не обязан был направиться с базы именно сюда, и не удосуживался вершить кавардак только исключительно в этой акватории. Ничем она от многих других не отличается, а потому если бы бестолковость взяла верх изначально, то кончилось бы такое «траление» только тем, что после его окончания сюда бы устремились все субмарины-разведчики брашей, дабы выяснить причины столь повышенной активности имперцев. Так что все, наверняка, производилось как и должно. То есть, как бы между делом. Флот Эйрарбии двигался себе вдоль экватора; иногда впрочем лавируя, дабы не оказаться над какой-нибудь «случайно потерянной», погруженной на километр, гига-миной. Время от времени пара-тройка рейдеров шастала туда-сюда, на тысячу-две километра в сторону, дабы проводить более фронтальную разведку. На более дальнюю дистанцию небольшие эскадры обычно не отклонялись, ибо по обычаям привившимся на планете Гея, потопление двух-трех чужеродных корабликов считалось допустимой забавой, и совсем недостаточным поводом для развязывания серьезной войны, особенно если оно шатко-валко растолковывается другими причинами, типа внезапно поднявшегося и тут же утихшего шторма, а то и известной в морских страшилках «Большой Втягивающей Воронкой». Другое дело – флот. Соединения из десятков кораблей относились друг к другу уважительно. Уступали друг другу дорогу, по крайней мере в нейтральных водах океана Бесконечности. Конечно, если бы какой-нибудь адмирал вдруг вздумал приблизиться к Брашпутиде на дистанцию стрельбы гига-калибров, то был бы незамедлительно атакован всеми наличными силами. Именно для этого супротив стерегущих экватор, или еще какую важную широту, эскадр эйрарбаков завсегда, в параллель, и вроде бы за между прочим, следовало одно-два морских соединения южан.

Так вот императорские корабли должны были сделать прочесывание основополагающей точки маршрута «Кенгуру-ныряльщика» с большой активностью, и в то же время между прочим. Никаких подозрений, все «тип-топ». А раз они этого почему-то не сделали, надо принять один из двух возможных выводов. Или Стат Косакри преувеличил роль отведенную собственному кораблю и собственной личности, в качестве его придатка, и субмарина «Кенгуру» со всей ее преважной миссией на фиг никому не нужна, либо миссия настолько важна, что браши не смутились ввести свои лодки в «протраленную» зону сразу по убытию чужого флота. То есть, даже рискнули ослабить эскадру-сопроводитель на добрую морскую подводную «пятерню». И кстати, дежурство такого количества лодок ради «Кенгуру» именно и доказывает наибольшую вероятность второго варианта. А уж еще одним, совсем не косвенным подтверждением, служит именно героическая смерть «Герцога Грачебо». Ведь даже в «допустимом», принимаемом как данность, «отлове» кораблей-одиночек использование ядерного оружия считается перегибом. Оно может послужить запалом серьезной войны. Потому, конечно, такой шаг как самоликвидация себя вместе с противником, с помощью выведенного из-под контроля реактора, может и пройдет один раз, но уж никак не два-три. Ибо реактор штука серьезная, и

по закону вероятности не может быть, что они «пыхают» посреди моря-океана один за другим. Тогда уж, либо противник, с таким кризисом в производстве движителей, вовсе уже смешной, и странно что он, не менее десяти циклов кряду, успешно бдит собственные границы, либо все эти случаи неспроста. Кроме того, что это за герои-подрывники рвущие себя почем зря, совсем даже не вплотную к врагу? Уж сблизилась бы тогда, как бы за между прочим. А так... Ну что толку от этих выпущенных на свободу килотонн? Только разве что радиационное заражение воды. Ибо, глядячи на планшет боевой обстановки, выявляется – будет просто чудом, если этот взрыв мог поразить хоть кого-то из брашской шатии-братии. Разве что по расхлябанности – какая-то из субмарин развернулась к эпицентру совсем уже неудачно. А так, слишком велики дистанции. И значит, с точки зрения «обмена фигур» – «баш на баш» – геройство «Герцога» – абсолютно холостой выстрел.

Ну а еще по этому поводу, можно прогнать по мозгу вот каковое соображение.

Если миссия «Кенгуру» важна; флот-тральщик сделал все как водится, ибо действительно надо быть полными дебилами дабы пропустить и не заметить целых пять лодок-охотников противника под собой; если «Герцог Гращебо» даже собой пожертвовал, лишь бы прикрыть отход «Ныряльщика», то не следует ли из этого, что в штабе Серого флота случилась утечка информации? Ведь не произошла же она с борта вверенной Стату Косакри субмарины? Нет, не произошла, тем более чему происходить-то? Никто на борту, включая капитана, даже по сию пору понятия не имеет о порученной миссии. И значит все-таки штаб Серого ФЗМ. И тогда...

Кто гарантирует, что «Кенгуру-ныряльщика» не будут поджидать еще где-нибудь? Или в далеком, наземно размещенном, штабе тоже не дураки, и сделают выводы. Найдут и перекроют канал утечки. Будем надеяться именно на это.

Однако для начала неплохо бы определиться, куда вообще-то необходимо плыть. Ведь подводная лодка добралась, а результате аврала с «Герцогом» даже пересекла экватор.

20. Сказки моря

Недо-люди, до-люди и прочие

Тут капитан баркентины естественно делает в штаны, однако нельзя сказать, что полностью растерялся. Все-таки брашские пираты это не девочки избегнувшие воспитания в «униш». Некоторым военным стоит поучиться у них изворотливости – пригодится в путешествии по карьерной цепочке.

– Понимаете, – говорит старшему призовой команды – тенор-мастер-торпедисту Муру Джа – на вполне сноском эйрарбакском, – я что-то про эту живность и забыл. Вот про рыбу помнил, а про это никак. Они же кто есть такие? Вы же, ведаете истинные знания. Выше всех стоят боги. Ступенью ниже эйрарбакский император, дай Красный Пожиратель... то бишь, Гигант Эрр ему здоровья. Потом, жрецы Эйрарбии. После прочие эйрарбаки; в первую очередь, естественно, военные моряки и морская пехота. Ну, уж потом, далеко под вашими ногами, мы – презренное племя недоношенных богами псевдо-дочеловеки – браши. А вот эти, так они еще много ниже нас. Они же полосатые! Зебро-люди! Так что...

– Однако работорговля, – констатирует тенор-мастер и ловко так моргает одним глазком. Так ловко, что «пареньки-матросики на подхвате» тут же начальника баркентины с коленок выдергивают и в миг – разве что опять только моргнуть успеть – уже держат его этими же коленками вверх. А руки его уже тоже выворачиваются, так что хруст несколько заглушает беседу.

Но браш настырный, еще что-то бормочет о «бракованном ответвлении генетической цепи» и чего-то еще о «даже не общем предке». Муру Джа пинает по его голове как по мячу. Пружинит плохо.

– Сколько? – вяло, без интереса спрашивает торпедист.

– Вес или..., – хрипит где-то внизу самый главный на тысячу километров в округе браш.

– Количество голов, понятное дело.

Наблюдающий за сценой курсант Стат Косакри ошибается, думая, что это пояснение. Пояснение идет снизу, без всякого замаха. На палубу что-то падает. Наверное все-таки зуб, ведь не может же быть сразу кусок челюсти? Или вставная? Из-за крови не видать.

– Остановите! – командует мастер-торпедит «паренькам-матросикам на подхвате», ибо чужой капитан действительно почему-то качается туда сюда как белье. Но ведь корабль все еще в вдвоенном солнечном фокусе – ветра нет.

– Я внимательно слушаю, – говорит он совершенно сухим голосом.

– Тысяча четыреста восемь – общее число, – хрипит откуда-то снизу. – Самок – пятьсот. Правда, пусть раздавит Черепаха, ровно пятьсот. Детей... Великий Пожиратель, не помню точно. Что их считать-то пока. Вот когда довезем...

– Потери? – лениво интересуется Муру Джа протирая потный лоб платочком: все-таки ССФ есть ССФ – ужасно жарко.

– Так не было еще, совсем не было. Разве что уже сейчас, там, в трюме. Мы еще не прорезивали. Честно, мы даже акул не подкармливали – торопились. Зря, наверно. Боги все видят. Нельзя нарушать обычай. – Кровь на палубе от жары даже не растекается, сразу черствеет, бурет.

– Сколько не полосатых? – тенор-торпедист отстегивает фляжку. Подносит к губам. Видит матроса-курсанта Стата Косакри. Что-то ему не нравится. – Эй, юнга! Ну-ка хлебни. Солнышки – радость наша – напекли? Держись, дорогуша, ты – будущий офицер имперского флота.

– Так, сколько? – снова переспрашивает торпедист Муру, несколько наклоняясь. Кровь капает быстро, ведь голова-то внизу. – Вдарить тебя еще, или... Слушай, гниль, у нас на борту

походная «камера Гринсэтера». Слыхивал о такой? Ты вроде интеллигентный. Хочешь попробовать? Еще есть «резервуар Тоу-Пена». Будем опускать тебя по частям, то верх, то низ. Увидишь свои части скелета без рентгена. Хочешь?

Муру Джа врет, на корвет-эсминце нет столь изысканной пыточной техники. Еще не хватало возить на боевом корабле ванну с сильнейшей кислотой. Однако говорит он все так же вяло и нехотя. Какая-то отработанная тактика вытаскивания признаний.

– И значит, сколько не полосатых? – повторяет он, медленно вдавливая острый парадный туфель в глазницу. Голова опрокинутого браша снова отклоняется от вертикали. Теперь наконец наблюдатель Косакри понимает, зачем на боевое задание напаялены эти лакированные туфельки, а не тяжелые, шнурованные боты. Все, совершенно все предусмотрено.

– Мастер, откуда здесь возьмутся... – сипят снизу и тут же туфель из шкуры шестиногого крокодила-папарка с островов Коро-Ро резко двигается туда-сюда. Что-то лопается.

– Полосатые люди. Место обнаружения и проживания архипелаг Роно. Открыт мореплавателем Мокрисом Со триста восемь циклов назад. Отнесены к категории «три» – «недолюди». В настоящее время на некоторых островах, и даже скорее всего на всех, проживают еще и племена Ми-Ми – категория «два» – «до-люди», переселенные по высочайшей милости почившего и переехавшего ныне на Страницу императора Сордокара Седьмого, с гряды так же Ми-Ми, в связи с испытанием на оной «оружия крайней меры», – говорит тенор-мастер как по писаному. Говорит так, что курсант Стат Косакри начинает сомневаться торпедист ли Муру Джа на самом деле.

– Острова Роно – единственные острова, на которых проживают полосатые недолюди. Данный участки суши расположены в акватории отнесенной, по не отмененному до сей поры Первому Аберанскому договору, к акватории Империи Эйрарбаков. Следовательно, – продолжает тенор-мастер, – имеет место быть не просто нахождение в акватории, а еще и высадка на территории, отнесенной к протекторату Империи. То есть, нарушение границ. А так же, сопутствующие нарушения. В смысле преступления. Главный пункт...

– Какой? – спрашивает он наклоняясь.

– Работорговля третьей категории, – сипят снизу.

– В массовом масштабе, – дополняет Муру Джа. – Ну так, сколько не полосатых?

– Да, не считал я этих до-людей, мастер! – тот, кто кверху ногами, наверное убежден, что высказывается гневно. Перемена ракурса мира явно портит представление о реальности. На самом деле, он почти хрипит. – Их всего ничего. А!!! Да, двенадцать, всего двенадцать. Прихватил их от злости. Так пакостно было смотреть, как эти царьки там командуют. На носилках их носят, понимаешь. И еще кто носит, знаешь? А!!! Извиняюсь, знаете. Так вот, женщины. Этих боровов носят полосатые самки.

– И что ты с ними сделал?

– С женщинами?

– С самками, понятно...

– Что понятно, мастер? Я ничего с ними не делал! Никто не делал! Вы посмотрите на них! Это же страх божий! Никто из моих даже не решился.

– Что ты сделал с до-людьми?

– Одного, для интереса... с носилок, самого толстого (ну, по их меркам) я отдал полосатым. Думал, пусть потешатся перед дорожкой. Так они ни-ни, боятся, не трогают. В общем, скоты – они скоты и есть. Не жалко, – Муру Джа делает знак «паренькам-матросикам на подхвате». Они опрокидывают браша назад – головой вверх. Наверное, не хочется, чтобы он потерял сознание раньше времени.

– Они выполняют наказ императора, южанин. Понятно? Он назначил племена Ми-Ми главной расой на архипелаге. Это справедливая имперская компенсация за отобранную у них землю.

– Повезло им, раздави меня Голова Черепахи. Вы устроили им рай, да, эйрарбак? Вывезли с севера в тропики, да еще отдали во власть народ.

– К сожалению, вывезли не всех. С кораблями было туго, – дает пояснения старший торпедист эсминца, бесстрастно рассматривая свою работу – окончательно заплывший глаз пленного. – Так что это компенсация еще и за тех, кто остался там.

– С кораблями было туго? – переспрашивает браш и хрипит, видимо пытается выцедить из своего нутра смех. – Гуманисты вы северяне. Оставили какое-то число людишек, всяческого пола-возраста, для проверки своего «оружия крайней меры»? Что там испытывали? Бомбу? Газ?

Муру Джа бьет красной, багряной туфлей снизу вверх по коленной чашечке. Брашский капитан визжит.

21. Конверт

Итак лодка «Водяной кенгуру» добралась до экватора. Даже пересекла. То было давно ожидаемое событие – веха маршрута и жизни. Именно по достижении ее «Кенгуру» должен узнать свою дальнейшую судьбу. Не только в географическом направлении; от того, куда направлен этот вектор, определялась даже жизнь и смерть. Одно дело, если бы по вскрытию пакета выяснилось, что цель похода уже достигнута – то есть эта самая нулевая широта экватора и является апогеем траектории движения, и теперь на вынужденной в электрическое освещение хронопластине можно прочесть поздравление доблестному экипажу, с успешной отработкой скрытого выдвижения на указанную командованием позицию. Но экипаж «Кенгуру» мало надеялся на подобную развязку: не стоило городить такой лес ради обычного планово-непланового похода. У Стата Косакри имелись свои собственные соображения. Он не верил в providческие возможности сознания, однако считал, что эту веху со вскрытием пакета на экваторе подсознание изобрело не просто так. Готовится какой-то сюрприз. В тоже время, особо радикальное изменение мира вряд ли состоится – пора штурма иерархических ступеней познания давно миновала. Почти невероятно, что произойдет смена среды обитания. Хотя, разумеется чисто теоретически, допустима авария, затем досрочное всплытие, покидание корабля, рыскание по волнам и в конце-концов чудесное спасение на борту «случайно» оказавшегося в нужном месте линкора. Однако даже здесь не проглядывается принципиальных сдвигов мироздания; легкая смена декораций, и только. Ведь в сущности, на резиновой лодке будут наблюдаться все те же лица, что и сейчас внутри «Кенгуру-ныряльщика», а потом, на линкоре или крейсере, стены и переборки отгородят от взора его гигантизм. Кроме того, вроде бы естественная убыль экипажа в результате аварии, высвободит мощности подсознания для лепки из виртуальности новых, доселе незнакомых лиц.

Но скорее всего, новая романтика будет иметь лишь представимый, а не визуально наблюдаемый оттенок. Такой же, как наметки на экваторе. Какие-нибудь гидроакустические метки на мониторе, эдакие импульсы-отголоски, трактуемые теорией как шумовые составляющие чужеродных, состряпанных где-нибудь на южнополушарных верфях винтов. Причем реально – глазами – никто из знакомого окружения никогда не видел ни этих самых винтов, ни даже размещенного на юге материка. То есть, подсознание опять использует старый трюк: лепка образов по трафаретам, заложенным в сознание посредством словесного кода. Очень хитрый ход для экономии своих информационных ресурсов. И самое главное, дело вывернется так, что в эту навязанную игру все равно придется играть.

Кстати, размышлял Стат Косакри, нельзя ли было попробовать вскрыть конвертик с заданием чуть загодя, или даже за много до того, как лодка достигла экватора Геи? Мысли подобного рода посещали его и раньше. Действительно, кто мог ему помешать откупорить сейф и сорвать печать, отгородившись от остатков мира бронированной дверью каюты? Но вообще-то не стоило даже и пробовать. Шторм-капитан Косакри всегда играл с подсознанием по правилам. Он догадывался, к каким последствиям могло привести нарушение навязанных законов. В сегодняшнем состоянии нейтралитета сознания и подсознания, получалось хоть иногда жить и работать посредством предвидения событий. В условиях войны с органом, лепящим мир, это бы не получилось ни за какие коврижки. Привычность и незатейливость окружающего мира могла в мгновение ока пойти наперекос. Не стоило искушать судьбу.

Ну а вот сейчас конверт получалось вскрыть по намеченному загодя плану.

22. Сказки моря

Игра в благородных рыцарей

И все чинно, благородно, и хотелось бы чтобы так и продолжалось. То есть, доблестные морские волки правильной северной империи спасают от злых южных работорговцев их добычу. Однако здесь не суша – пустить пленных на все четыре стороны никак не получается. Отдать в их распоряжение большущий трехмачтовый парусник, об этом речи не идет вовсе. И даже если бы отдать, как они с ним управятся? Это не пирога из дерева, способная покрыть расстояние между близкими островами родного архипелага Роно с помощью молитв и весел. Что еще? Использовать для вождения баркентины часть команды корвет-эсминца. Но лишних людей на боевом корабле не водится, а кроме того кто из них обучен водить парусники? Да, кой кого из офицеров, когда-то в Академии Флота Закрытого Моря, учили и под парусами ходить. Но когда это было? Сейчас не время экспериментировать с ностальгией, а главное, не место. Тут вражеская акватория, эсминец в разведывательном рейде. Может, стоит доверить простые функции брашам? Конечно приставив к ним наблюдателей с дубинкой и иглометом. Но опять же, сколько корабельного народа на это потребуется?

Однако сыграть благородных рыцарей до конца жаждется без меры. Ведь начало пьесы пошло именно по такому накату. Только представить – напавший на «полосатых» парусник снова заходит в бухту. Все, кто в прошлый раз случайно не угодил в трюм, в ужасе: этот пиратский ветроход уже успел сгрузить добычу на свою Брашпутиду и возвратился за добавкой! Оказывается, эти браши живут не в другой, неправильной стороне мира, как утверждали посланцы императора, а где-то поблизости. И даже если не поблизости, а просто их ветрогонные корабли носятся как угорелые и успевают всюду, то эффект тот же самый. Однако внезапно с корабля сходят на берег уже оплаканные братья, сестры и детишки. Это просто возвращение со страшного острова Скорби, или по правильной религии, с луны Мятой. Кстати именно там живут все плохие пришельцы, а значит и владельцы парусника. Разумеется, великой расе эйрарбаков вообще-то глубоко наплевать на радости, беды, а тем паче благодарности каких-то там недолюдей, и даже до-людей. Но все-таки, если по чести, где-то там, в душе, что-то и ёкнет. Ведь вот бывает, погладишь какого-нибудь замурзанного кота, бросишь ему кусочек не дожеванной рыбки и приятственно не только мелкой твари, но и тебе. Чувствуешь, что хоть на мгновение, а становишься на одну ступенечку с парящим в Самой Большой Пустоте богом, в его возможности карать и баловать. Разумеется, о последнем соображении не стоит вещать поблизости от служителей культа.

Так что весьма, весьма хотелось бы показать себя «рыцарями двойного света». Тем более, с точки зрения политических пристрастий, очень даже неплохо доложить наверх, по «патриотическо-полицейской» линии, о том, что с этого момента недолюди, а так же до-люди далекого архипелага Роно чтят императора Эйрарбии много-много более, чем ранее, и к тому же со всей своей животной искренностью. Ибо его скромные воины доказали, что никто, даже подлые южные федералы, не способны безнаказанно вторгаться в земли и моря Империи, а уж тем более обижать подданных, пусть даже недолюдей. Далекий император Грапуприс все видит и обо всем ведает. Теперь все местные недоделанные до человека люди будут сами помнить, и всем родственникам и детям рассказывать, как их вызволили из неволи, а может, даже спасли от преобразования в мясное филе.

А брашских преступников можно было бы для окончательного воцарения царствия справедливости даже казнить на глазах зебро-людей, чем достигнуть еще и дополнительной цели – морального унижения подлой расы антиподов.

Кстати, имеется еще один воспитательный момент, совсем не из области сведения счетов за грехи прошлого, а как раз наоборот – направленный в будущее. Тут, на борту «При-

шельца-Близнеца», тридцать будущих офицеров флота. Им этот эпизод воцарения в мире имперской правды будет маяком всю будущую службу.

Помимо, имеются еще и материальный аспект. Почему бы после освобождения от груза не привести в родной эйрарбакский порт красивый парусный трофей? Мало того, что он пригодится флоту, пусть даже торговому, а снятые с него пулеметные башенки складам войсковой амуниции, так еще за него, по закону, обязаны будут выплатить официальное вознаграждение. А никому лишняя сотня-другая золотых головок Грапуприса карман доселе не оттягивала.

В общем, с благими намерениями все более чем хорошо. Однако баркентина видимо не просто так носит имя «Хромой затейник». Она изначально втянулась в неудачную затею – сие начинание хромало от самого старта. Хотя, Звезда-Мать свидетель, команда «Пришельца-Близнеца» намеривалась выполнять «показательное выступление рыцарей двойного света» со всей старательностью. Кто ж ведал, что все это будет зазря?

23. Творение

Вскрывать конверт допускалось и в одиночестве, однако разве что как исключительную меру. В обычных условиях, рекомендовалось делать это в присутствии кого-то отмеченного соответствующим званием и допущенного к секретам. Можно было вызвать старшего помощника, однако почему бы не продемонстрировать не только приверженность растаявшим в тумане прошлого штабам, но еще и отгороженным толщей воды звездным богам? Исходя из своего опыта существования в этом сложно продуманном мире, Стат Косакри ведал, что такие жесты нравятся вышестоящему командованию. Помимо того, почему бы лишний раз не пообщаться с человеком не обремененным техническими знаниями и потому имеющим больше времени для раздумий? Понятно, что каждый встречный – это одна из ипостасей твоего собственного подсознания, но ведь тогда тем более интересно пообщаться с ним напрямую, и не через образы, а посредством слов. И Стат Косакри вызвал к себе Рикулло Эвам-Ну – корабельного жреца Великого Красного бога Эрр, а заодно и всех остальных богов. Ибо поскольку «Кенгуру-ныряльщик» являлся кораблем подводным, содержать на нем отдельного представителя каждого из всевышних не представлялось возможным. Такая операция требовала бы дополнительного воздуха, воды и продовольствия. В многомесячном исчислении это выливалось в тонны. Кроме того, по морскому уставу, представителю каждого бога необходимо предоставлять отдельную каюту-келью. Подводный Флот Закрытого Моря не мог позволить себе такой роскоши.

– Ну что, освещенный солнцами? Будем вскрывать? – спросил Стат Косакри взвешивая в руке извлеченное из сейфа, опечатанное послание.

– Вообще-то, отчего бы нет, командир Стат, – пожал, несколько узковатыми для представителя самой передовой нации, плечиками поклонник бога Войны и Доблести. – Однако хочу предупредить, моя компетенция в навигаторских делах весьма поверхностна, так что вам придется пояснять мне многие элементарные вещи. Ведь, я так понимаю, речь в этом конверте скорее всего будет идти о широтах и долготах.

– Ну, это только в поясняющей части, святой отец. Главное, наверное, будет раскрытие целей. Все-таки жаль, что вы представитель Гиганта Эрр – с вами не получится заключить пари.

– На счет содержимого?

– Именно так, представитель неба. Ну что ж, приступим?

– Я готов, капитан Стат.

И они срезали печати, и расписались в акте вскрытия, сверив время по большому атомному хронометру. Потом они провели дешифровку, причем Рикулло Эвам-Ну диктовал буквы, а Стат Косакри листал книгу шифров, после чего священник выводил на свежей хронопластине настолько красивые буковки, что шторм-капитан даже жалел о том, что очень скоро все это придется подвергнуть магнитному стиранию. И через очень короткое время, они получили читаемый текст. Прямо таки осененный зримыми результатами своего собственного труда, к тому же явно имеющему отношение к скрытой от духовного лица эквилибристике машинного мира, поклонник Красного Гиганта, воодушевленно высказался, в том плане, что наверное очень сходным образом, действовали когда-то боги, создавая мир из хаоса. Только разумеется, их труд был гораздо масштабнее и протекал в ином темпе. Стат Косакри промолчал, ибо не стоило разочаровывать счастливого Рикулло своими мыслями о том, что по его мнению именно в данный момент и произошел акт творения. И вовсе не в том плане, что теперь отгороженный от штаба тысячами миль океана, и практически несуществующий, полузабытый там «Кенгуру» будет осуществлять в реальности отработанные кем-то на глобусе инсинуации. Совсем в другом. По странной убежденности, Стат Косакри, вообще-то, считал, что до вскрытия конверта, никакого послания не существовало. Точнее, оно имелось в его собственной голове, да и то

только лишь как возможность. Между прочим, в такой же мере, как и сам пакет с посланием по отношению к запечатанному сейфу. Конечно, если бы творец мира все время играл в рулетку, то вложенного когда-то самим шторм-капитаном пакета, могло бы, при очередном вскрытии, в сейфе не оказаться, или туда откуда-нибудь из другого места перелетела бутылочка крапс-виски, вместе с экзотической закуской из какой-нибудь икры мигри. Может быть, это стало бы и интересным сюрпризом, но в таком случае Стата Косакри окружила бы вселенная устроенная принципиально иначе. Сейчас он находился в другой, и потому требовалось внимательно прочесть только что вынырнувшее из небытия послание.

Естественно, оно могло разочаровать банальностью смысла. В том плане, что «Господа офицеры, поздравляем вас с успешным выполнением поставленной Империей задачи. Вы достигли экватора, по пути еще раз проверив функциональные возможности атомных крейсеров нового типа, и теперь ваша цель – так же успешно вернуться в родимый порт. Мы вас ждем!»

Однако предчувствие – то самое, пусть смутное, но видение поставленного на попа конуса будущего, подсказывало Стату Косакри, что в послании будет нечто гораздо более интересное.

Вообще-то он не ошибся, но насладится триумфом всезнания ему, понятное дело, не удалось. Мир подкидывал сюрпризы.

24. Сказки моря

«Пришелец-Близнец»

Даже атомная мощь имеет пределы. Все ж-таки реактор «Пришельца-Близнеца» разрабатывали скупердзяи; нет бы добавить мегаватт-другой на всякий пожарный случай. Вот такой как сейчас, к примеру. Ибо после взятия «Хромого затейника» на буксир – казалось, чего там эдакого – пластиковый корпус, да рей – крейсерская скорость корвет-эсминца снижена вдвое, а маневренность... Конечно возле прицепного устройства сутки напролет дежурят готовые к немедленной «рубке канатов» люди. На случай внезапного появления противника. Такое вполне допустимо, ибо окончательно не ясно, успел ли парусник сообщить хоть что-то о своей судьбе ближайшему брашскому соединению. Тогда придется уносить ноги, или вступать в бой. А с «хвостом», и то и другое одинаково неудобно. Но вроде бы, в настоящий момент все относительно в норме, и пусть со сниженной скоростью, но все же боевой корабль идет на север, в направлении архипелага Роно, ибо по поводу рыцарской миссии, в кратких радио-переговорах, получено одобрение командования Белого Дважды Ордена Золотой Черепахи ФЗМ.

Однако к сожалению, мир Геи управляется – если конечно вообще управляется, а не идет по времени без руля и без ветрил – весьма мстительными, подверженными резким переменам взглядов и настроений богами. Или просто их представление о понятии «справедливости – несправедливости» соотнесено с бросанием кубика в «танко-шахматах». Самый простой вид управления, если только кубик без груза. Ибо вся ответственность за решения переложена на так званую судьбу. И потому очень скоро эта самая судьба срабатывает против «Пришельца-Близнеца». Кстати, здесь снова, как и во многих случаях Трехсолнцевой Вселенной, попахивает прямым вмешательством небожителей. Так что уж в чем-чем, а в лени их обвинить не получается, все-таки весьма часто они вникают в совершенно мелкие дела, вовсе не сравнимые в непрерывностью протекания планетарной орбиты в игольное ушко антропогенного допуска.

Вот сейчас они обратили внимание на семенящий по – все еще южному – полушарию «Пришелец-Близнец». Ага, а что это у него такое интересное на веревочке? Ух ты, какие «муси-пуси» с низшими народами! Сколь благородно-чисты отрывки разведенного на большом материке Эйрарбакского царства, они даже орошают линию экватора.

25. Небесный контроль

Жрец присутствовал на борту «Кенгуру-ныряльщика» не просто забавы для. Вера в чудесное, божественное происхождение всего сущего проистекала, на планете Гея, не из-за особой предрасположенности местного человечества к религии, а по причине неудовлетворенности достижениями науки. Может быть, кому-то в какой-нибудь другой вселенной это покажется удивительным явлением? Все допустимо. Однако здесь получилось именно так. А вера в божественное творение мира присуща всем без разбора мало-мальски разумным существам. Ведь поначалу, не имея никаких технических инструментов для исследования, они вынуждены руководствоваться только чистым папирусом разума. А ведь им нужно обрести в этом – интуитивно ясно, что огромном – мире хоть какую-то опору. Разум в этом плане дает единственную зацепку, хотя бы мысленно подгрести весь материал мироздания под себя. Понятно, что в данном случае он навязывает антропологические модели. А какие же еще он способен произвести? «Пусть я лично, и даже мое племя целиком, – плетет сказки разум, – не могут управлять миром, но зато где-то за семью горами, или небесными кручами, разместилось похожее на меня всесильное существо, которое может вертеть этим миром как заблагорассудится. И если его хорошенько прикормить дарами, то вполне вероятно, оно раскрутит некоторые процессы именно в мою пользу».

Ясное дело, стадия такового созерцательно, да и то более через туманность грез, познания пространства и материи длится достаточно долго. Однако рано или поздно она все-таки сменяется инструментальным подходом, когда в руку берется арифмометр, отвес и линейка, а в голову вставляется десятичный логарифм с котангенсом. Так вот, на какой-нибудь другой, лишь теоретически представимой планете, для успешного протаптывания тропки познания сквозь тьму миражей хватает всего лишь вот этого все более тяжелеющего ящика с инструментами. Однако планета Гея относится к другому множеству. Обычного подхода науки, даже когда под пальцами раскидываются клавиши электромашины на ульма-схемах, оказывается недостаточно. Мир, окружающий Гею, качественно более сложен. Точнее, обволакивающее человека мироздание устроено здесь ничуть не по-другому. Те же значения основных констант Вселенной и даже бесконечность сложности в пределе. Точнее, так же как и везде, на каком-то этапе полная неясность, что там впереди. Все-таки бесконечная сложность или же весьма вскоре наблюдаемый край?

Естественно, в каждом из миров, разумные существа рано или поздно достигают конечной точки движения вперед к этой самой неопределенности. Дальше они не могут двинуться по целому ряду причин. И конечная сложность устройства их собственного мозга поставленного супротив бесконечной сложности Вселенной это даже не самая основная причина. Та как раз более тривиальна. Ящик с инструментами тяжелеет в пропорции, напоминающей задачу разгона фотонной ракеты с заправленным вовнутрь топливом. Как не разгоняй, а на каждый следующий шаг приближения к световому пределу тратится более чем на все предыдущие этапы. Здравствуйте, госпожа Гипербола! Вот так же и в физике. Когда-никогда, а оказывается – для разгрома в тартарары следующей микрочастицы требуется ускоритель величиной с галактику. И тогда физики сразу проваливаются во времена пещеры, к тем старинным наблюдателям в шкурах, которые раздвигали пальцы и пытались таким Макаром вычислить дистанцию между звездами. И туннеля из этой новой пещеры не проглядывается. То же самое происходит и со всеми остальными науками, если только они изначально не родились с конечной истиной в нутре, как например астрология.

Так вот, если на этих самых теоретически представимых, но, ясное дело, не существующих планетах стоп-кран отбрасывает науку назад на очень далекой стадии, той, где она давным-давно втоптала в грязь и заасфальтировала религию, то на планете Гее все выглядит

несколько не так. Здесь стоп-кран срабатывает гораздо раньше. Вера в сверхъестественные силы еще не успевает подвинуться, а наука уже стыкуется лбом с непробиваемой переборкой. И сбой, как на зло, происходит по всем научным разветвлениям.

Кстати, все очень просто. Взять, например, астрономию. Казалось бы рядом с Геей две, прекрасно наблюдаемые звезды достаточно разнообразной природы. Даже три, если быть точным; хотя третья и не относится к не только «прекрасно», но и вообще «наблюдаемым». Так вот, выкатывай из орбит глаза, удлиняй телескопы и... Тю-тю-тю! Астрономии, для изобретения фазовых переходов звезд «главной последовательности», нужны для наблюдения миллионы объектов. Даже сотни миллионов. Только тогда среди всего этого количества получится относительно часто наблюдать «цефеиды», «сверхновые» и прочие чудеса. Имея перед собой только три объекта – никак не получится. Естественно, можно сколько угодно предполагать, что они могут последовательно переходить в стадии друг друга. Но кто в какую, и в какой очередности? Где наблюдения, то есть, в случае астрономии, пассивный эксперимент? Однако те из звездочетов, кто его ждет не дожидается, невольно накликают беду. Если например, красный гигант Эрр перейдет в следующую фазу, то первое что он сделает – это сброс верхних конвенционных слоев в пространство. И тогда все планеты, находящиеся в пределах звездной системы, испарятся. Может кто-то из удачливых наблюдателей и успеет засечь несущуюся к Гее, со скоростью тысячи километров в час, солнечную оболочку, но вряд ли он умудрится, за несколько тысяч оставшихся в его распоряжении секунд довести до ума новую теорию, а уж тем более ее запатентовать.

Иные же звезды, кроме Фиоль, Эрр и Лезенгаупа с планеты Гея не наблюдаются ни коим образом, ибо процесс происходит ближе к концу эволюции Метагалактики. На этой стадии просматриваемые ранее скопища галактик в небесах не видны, и не только в связи с разлетом на квинтильоны парсеков, а потому что сами они уже распались, и представляют собой только излучающие на сверхдлинных волнах центрально-галактические, сверхмассивные «чёрные дыры». По этой же причине даже в супер-телескоп не проглядываются, квазары, радиогалактики, ячеистая структура Вселенной и прочее. И значит, в развитии местной астрономии наблюдается тупик. Она неизбежно смыкается с теорией божественного происхождения.

Кроме того, ее подталкивают к этому другие, более прикладные области той же науки. К примеру, простой вроде бы вопрос об обращении Геи вокруг Звезды-Матери Фиоль. Попробуйте вычислить период с относительно большой точностью? Тут вам система из трех солнц, и сами они не неподвижны, ибо в этом Космосе нет покоящихся предметов. И значит? Но ведь вот уже сколько... В любом случае, тысяч циклов, даже если принять за исходную легенду о Создателе.... И вот значит, сколько времени Гея болтается между тремя огненными шарами и еще ни разу не коснулась ни одного из них, и даже не подошла достаточно близко чтобы... Морские приливные волны, сейсмическая нестабильность, ускорение дрейфа континентов, скачкообразный сдвиг коры, испарение мелких морей, континентальные приливные волны, перераспределение атмосферы на дневную сторону, пертурбация орбит обеих лун, испарение океанов, парниковый коллапс, обезвоживание суши, создание хвоста из атмосферы по типу кометного, растяжение геоида, перекрестная накладка континентальных плит, выдавливание на поверхность лавовой подушки, раскачка геоида, смещение планетарного ядра, гравитационная разбалансировка, лавовые моря, отсос атмосферы, обще-планетарный лавовый океан, раскол и опрокидывание континентальных платформ, разогрев верхней мантии, лавовые приливные волны, распад планетарного ядра, торможение осевого вращения с перекачкой инерционного момента в гантеле-образную форму и наконец... Ах да, в случае удачного прохождения перигелия, обратная последовательность, т. е. читать указанный список наоборот. В случае неудачного... Ускорение орбитального вращения, выпаривание легких элементов, выдавливание наружу планетарного ядра, распад планеты на отдельные каплевидные фрагменты, паде-

ние на... Всего три варианта: Красный Гигант Эрр, Звезда-Мать Фиоль, невидимка Лезенгауп. Хотя возможен разрыв в точке равенства гравитационных сил, и последующее падение на две звезды сразу. В случае двух первых вариантов – суточное, или более, в зависимости от размеров оставшегося фрагмента, существование внутри солнца. Допустимо даже однократное выныривание, с последующим повтором падения и пролома фотосферы звезды.

Худший вариант – малютка Лезенгауп. Из-за очень большого гравитационного перепада – разрыв всех пикирующих планетарных фрагментов на десятки меньших, а на дистанции десять тысяч километров от хромосферы, сплющивание и вытягивание их в плоскую, веретенообразную структуру, могущую даже покрыть всю поверхность Лезенгаупа, правда, всего на несколько секунд. Затем, всасывание и поглощение. Весьма вероятно, что в эти секунды Лезенгауп засветится, и в течение этого же времени будет наблюдаем с обычной дистанции Геи.

Да, конечно, в результате перестройки солнц в некоторую конфигурацию весьма вероятен абсолютно другой сценарий. Смещение планетарного апогея Геи. И тогда уход сразу от трех звездных компонентов. Возможно, в окончательном удалении они будут наблюдаться как цветные светящиеся точки, за исключением невидимки Лезенгаупа, разумеется. Понятное дело, в процессе замедляющегося движения к апогею... Воцарение ночи, понижение температуры, обледенение океанов, полное промерзание мелких морей, сгущение атмосферы, следующая стадия остывания при достижении Геей обще-звездного кометного облака, утолщение ледяного покрова над океанами до десятков метров, выпадение воздуха в виде снега, прессовка атмосферы в десятиметровый слой, промерзание мирового океана на километр, полная прозрачность неба в связи с отсутствием воздуха, частые, практически ежедневные столкновения с заледеневшими ядрами комет. Все это приблизительно в течение двадцати-тридцати тысяч циклов. Затем медленное перемещение к перигею, с проворотом процесса в обратной последовательности.

Однако ничего из вышеперечисленного, судя по данным археологии, в истории Геи не случалось никогда. Как это могло произойти без доброго вмешательства того самого похожего на человека, но бесконечно более могучего существа, которое скрывается за семью горами, за восемью лесами и непреодолимыми небесными кручами?

26. Сказки моря

Шторм пятнадцати баллов

Предупреждение о шторме пришло вообще-то неожиданно, но, по совести, какая-нибудь подковырка подспудно ожидалась давно. Слишком гладенько, слишком правильным образом все покуда вершилось. И то, что потеря среди экипажа не случилось при захвате чужого парусника, хотя браш был все-таки вооружен. И то, что штаб Белого флота согласился без экивоков на фактическое прекращение разведывательной миссии «Пришелеца-Близнеца» ради какой-то странной затеи с заботой о туземцах. А главное, согласился в полной мере, а не то, что «следовать туда-то, а по пути... – допустим, вот здесь – задержаться на час для разгрузки. Возражения? – Зебро-люди жили до происшествия совершенно не там? – Это их проблемы, вовсе не флота. Пусть радуются, что их вообще не бросят в шлюпках за линией прибоя, а по порядочному сгрузят на сушу. Да и вообще, окна «сдвоенного солнечного фокуса» в прямую не связаны, но как-то так повелось, что ходят бок о бок со штормами.

Так вот, вначале сообщалось о двенадцатибалльном урагане, прущем вроде бы с северо-запада, а затем, уже о пятнадцатибалльном – хотя оценка мощи весьма приблизительно и может подразумевать ошибку в два-три уровня. Предупреждение, понятное дело, пришло от специального корабля связи ФЗМ, но то была ретрансляция полученная от настоящего очевидца – атомного фрегата «Печёный туфель». Второе сообщение оказалось последним, и следовательно, если «Туфель» и ошибся, то скорее всего в сторону занижения силы катаклизма. Вроде бы в одной «малой стае» с фрегатом следовали еще парочка плавучих предметов поменьше, но и о их судьбе тоже ничего не прояснилось.

По случаю неравномерности нагрева, вызываемого тремя солнцами, а так же из-за явного лидерства океана над сушей, в плане захваченной площади, штормовая шкала планеты Гея простиралась до двадцатого пункта. Весьма вероятно, что в плохо изученный исторический период, и уж точно, в доисторический, в морях случалось нечто еще более страшное. Однако сведений о таких бедах не сохранилось. С другой стороны, быть может, именно шторма не замеренной мощи способствовали периодической экспансии жизни из океана на сушу, когда в глубоком прошлом вспышки какой-то из звезд выжигали на поверхности планеты все признаки живого, вплоть до бактерий. Тогда бултыхание морей поднимало с океанских впадин нечто из сохранившегося, и забросив подальше от берега, заставляло обживать опустевшую территорию. Однако в настоящий момент новой солнечной катастрофы не произошло, и посему шторм был как-то не к месту. «Пришелец-Близнец» и без того собирался произвести возвращение украденной морем биомассы обратно на сушу, причем совершенно добровольно.

Трудно представить, что такое пятнадцатибалльный шторм, а уж тем более восемнадцатибалльный. Не исключено, что это хаотичные волны высотой до ста метров и ветровой поток со способностью выдернуть корабль из воды, сделав из него летучую рыбу. Интересно, не от того ли геянцы воюют, что на противнике хоть как-то получается выместить зло за всяческие вот такие нехорошести проживания возле трех солнц одновременно, учитывая что одно из них «слепое»?

Однако эсминцу-корвету совсем не стоило бросаться в зону, в которой оборвались радиокардиограммы жизни фрегата снабженного двумя тягловыми реакторами. Тем более не стоило этого делать, имея за кормой шестидесятиметровый пластиковый прицеп.

27. Чудо по определению

Естественно, у него в распоряжении не оказалось капитанского мостика, по крайней мере в прямом смысле. Ведь он изначально заканчивал академию Флота Закрытого Моря по кафедре вождения подводных судов. Оно может и к лучшему. В плане выявления его аномальной заикленности куда-то вглубь собственного сознания. Где-нибудь на борту большого линейного корабля это бы вызвало перетолки среди соратников-офицеров, а здесь, под водой, людям прощалось многое. Более того, чрезмерно нормальный здесь бы, наверное, не вытянул. А даже если бы вытянул, то только за счет перестройки собственной сути. Изменением внешнего поведения отделаться бы здесь не получалось. Ведь нужно было спокойно – точнее, в повседневном аврале – работать, выбросив из памяти столь мелкий факт, что над твоей головой всегда находится столб воды способный раздавить тело так же просто, как ботинок давит всяческую тараканистую мелочь. Ведать, что военный и мирный труд в общем-то различимы только по вероятности, но никак не по исключению из повседневности, массовой гибели всех, кто копошится рядом; с тобой в компании, разумеется. Какая-нибудь маленькая оплошность, совершенная чушь для какого-нибудь линкора «Грауприс Тридцать Первый», типа неплотно прикрывшегося всасывающего патрубка шноркеля, могла запросто, в течение считанных минут, угробить всю стометровую громадность связанных в целое механизмов, вместе с застрявшими в их промежностях людьми. Сколько их, таких случайностей уже произошло. Хотя по идее, это похоже на то, если бы у того же статскачетонного «Грауприса» какой-нибудь не выспавшийся офицер-канонир, вскочив по тревоги, забыл задраить бронированный иллюминатор, а потом, из-за этой мелочи, гигант опрокинулся и затонул. В подводном флоте подобное случалось сплошь и рядом, точнее должно было случаться. По идее, далекое, и покуда не везде и всюду измеренное, дно океанов обязано быть усыпано корпусами раздавленных в лепешки подводных лодок. Однако тонули все-таки не всегда. Было ли это, точнее то, что не тонули вообще все, научно объяснимым фактом? Нет, это было совершенно необъяснимо, а значит, являлось чудом по определению.

Только Стат Косакри, правда, не сразу, а много позже, понабравшись опыта, сумел такое объяснить. Да и то, только себе самому. Ведь кто бы ему поверил, если бы он вывел наружу свое «научное» толкование? Хотя если вдуматься, оно ставило на место, не только невероятные случаи спасения подводных лодок, но и вообще любые факты мира. Но опять же, кто бы поверил столь универсальной теории? И по сути, если она верна, то стоило ли её кому-то растолковывать? Ведь дополнительный подвопрос состоял не только в том, способен ли этот кто-то, кроме самого Стата Косакри, теорию воспринять, но гораздо глубже: существовал ли этот самый кто-то вообще?

По мнению Косакри именно это допущение и замыкало логическую цепочку объяснений.

28. Сказки моря

Радиоперехват

Какие имелись альтернативы, кроме движения по запланированному маршруту и неизбежного попадания в пятнадцать– или чего-то похлестче – шторм? Вообще-то ничего стопроцентно надежного в возможных вариациях не значилось. Над планетой Гея не зависала гирлянда из спутников наблюдения за погодой, так что сказать точно, куда движется ураган, да и с какой точно скоростью он это делает, не получалось. Так что решения по поводу безопасного маршрута могли носить только вероятностный характер, они принимались в условиях недостаточных знаний. Впрочем, ничего нового в этом не было, вся история геянцев – это беспрерывная череда ответов на вызовы, при недостаточной информированности.

Итак, можно было совершить следующие виды пертурбаций. Если ускорить ход, то имелся шанс пройти в Северное полушарие «перед самым носом» у урагана. Правда, тогда путь к островам Роно удлинился приблизительно на тысячу километров. Однако при подобном решении это не имело значения совершенно, ибо для того чтобы ускорить ход, потребовалось бы только одно – перерезать тягловые канаты. Второе решение предусматривало разворот на сто восемьдесят – или около того – градусов и солидное отклонение к югу. Потом, после маневра, получалось прекрасно разойтись с ураганом, пропустив его слева. Однако углубление в акваторию переданную в ведение Союза Брашей это всегда дело рискованное. Здесь тебя никак не умудриться спасти вовремя подоспевшая «стая» ФЗМ.

Словом, свои и достаточно солидные тараканы имелись при каждой вариации. Однако ко всему прочему, это было не раздумывание над кроссвордами за чашкой «нумансийского» кофе, здесь решение требовалось принимать быстро.

К сожалению, в условиях существования в Трехсолнцевой Вселенной, где боги всегда конкурирую в создании пакостей, ибо копошащихся понизу марионеток хоть и достаточно много, но все-таки не вволю, обстоятельства реальности делают понятие быстроты очень относительным. То есть, количество новых факторов может скачком, и неожиданно возрасти. Против вашего, совсем маленького относительно планеты, кораблика растекается океаном Бесконечности мир. И в костяшки против вас играют сразу три, перемигивающихся солнечными пятнами, бога. Как можно за ними угнаться?

А потому, не успевает «Пришелец-Близнец» развернуться носом к югу, ибо рыцарский угар в груди экипажа еще не погашен, как его поставленные торчком антенны получают новые, заставляющие солидно задуматься послания. Точнее, такое именуется не посланием, а носит название «радиоперехват», ибо может, в детстве кого-то и учат не подсматривать в щелочку и не читать письма, не тебе писанные, но уж никак не разведчиков. Как всякий уважающий себя корабль-нарушитель, «Пришелец» снабжен целой гроздью аппаратуры предназначенной для прослушивания эфира. Естественно, пойманный сигнал не только не на эйрарбакском, но еще и зашифрован. Однако для создания выводов командиру эсминца-корвета совершенно не требуется ждать, когда бортовые дешифровщики проанализируют текст, и с определенной долей вероятности выскажут догадки о его содержании. Гораздо важнее то, что уже известно. Например, с помощью разнесенных на сто восемьдесят метров антенных приемников, и еще кое-каких инженерных ящиков покоящихся внутри, удастся определить азимуты и расстояния до посланцев сигнала. Естественно, данные параметры носят достаточно приблизительный характер, но и этого довольно. Четко выявлено – обмен рапортами ведется между двумя кораблями брашей, находящимися с противоположных сторон от «Пришельца-Близнеца». Поскольку вблизи экваториальной границы корабли республиканцев в одиночку не ходят, а крейсируют «боевой пятерней», то теперь можно снова доставать курвиметры и разворачивать карту, ибо прошлые, час или менее назад сделанные, курсовые прикидки нужно снова менять.

Не хочется, совсем не хочется сталкиваться в открытом море с превосходящими силами врага, имея на прицепе чужую, столь лихо захваченную баркентину. Ведь это сразу дает брашам двойной повод для нападения. Они конечно всегда рады и без повода, но когда перед тобой одинокий корабль нарушитель, да еще и вор, пальцы просто рвутся надавить какую-нибудь красную кнопку, а гортань прочистится, рвякая в микрофон отрывистую команду «Огонь!».

29. Ступенчатый фундаментализм

Возможно, стоило создать что-то более оригинальное, чем обыкновенный трехсолцевый мир. Допустим, систему из пяти звезд? Или лучше, нечто еще более грандиозное – распахнутость неба с десятком красных гигантов, в окружении желто-оранжевых карликов. А то и – эдакий пурпур из солнц, которые за счет удаления будут смотреться яркими точками, или хотя бы прожекторами. Допустимо ли такое? Однако почему же, нет? Все что представимо сознанием, вполне может появиться. Тем не менее, и скорее всего, этот окантованный бесконечностью пустоты тройной, но с одним потушенным солнцем мир, самая оптимальная система. Любая другая, более сложная перегрузит воображение и замкнет его на себя. Тогда не останется мощности на всякую мелкую и близкую всячину, типа населения планет. А может, и самих планет. Точнее, планеты. Всего одной. Что с того, что где-то там, вроде бы обнаружены другие, вертящиеся по менее устойчивым и почти непредсказуемым орбитам? Легче всего представить именно такое. Несколько цифирь в учебнике «Божественной астрономии». Предполагаемая масса, диаметр, угловая скорость на момент наблюдения, подозрение на наличие атмосферы. Еще не хватало знать об этой промелькнувшей в телескопе искорке нечто более точное. Ведь даже с трехсолцевым миром и то перебор. Недаром о самом малом компоненте известно только из той же «Божественной». Скорость, масса и прикидочный период обращения вокруг Красного Гиганта Эрр. Да еще слухи, происходящие из легенд, что мол когда-то раньше, в незапамятные времена, этот самый Лезенгауп наблюдался не хуже Звезды-Матери Фиоль. Однако что есть слухи? Выжатая из летописей говорильня. А откель те летописи? Из того же изначального воображения и неоткуда более.

Разумеется, тут мы приходим к тому, уже обусловленному, закону «ступенчатого фундаментализма представлений». То есть, то что представлено изначальное, и на чем базируется следующая ступень, пересмотру уже не подлежит. А то, как бы это выглядело? Вчера нам нравилась Трехсолцевая Вселенная, а сегодня поутру в небо взошли пять светил. Или пять с половиной. А то и не светил вовсе, а соцветие светящихся красных ромбов с изумрудными тетраэдрами. И в охвате каждый из них, к примеру, в миллиард километров. Очень здорово!

Ступенчатый фундаментализм ограничивает всякие такие сюрпризы. Мир можно создать только единократно; сознание просто не вмещает в себя несколько разных моделей. Наверняка, если только что-то из фундаментальных составляющих начнет разрушаться, тут же посыплется и все остальное. Ну а уничтожение мира, как известно, приводит к смерти сознания. То есть, не то что известно, а так сказать, предполагается априорно.

Хотя, фундаментально ли наличие трех звезд, включая невидимку? Разве при образовании мира, первое впечатление, врезавшееся при творении, заключалось в картине неба? Но кто их помнит, те первые впечатления младенческого восприятия сознания? Наверняка вначале окружающий мир был туманен и не определен. Происходила подсознательная выборка-проверка самых разнообразных моделей. Может, там были и стосолнцевые картинки, а то и тысячесолцевые. Но как удержать в сознании все эти миллионные вариации орбит, дабы без ошибок воспроизводить их на восходе? Разве что ввести постоянно накрапывающий дождик и занавес из туч? Но ведь наверное, первое впечатление о созданном мире было слишком уж пронизано светом. Таковую штуку не удалось бы объяснить странной прорезью в грозовых облаках, возникающих только раз в миллион циклов. Да и вообще, мир без яркого освещения оказался бы много скучнее и значит неинтереснее. Наверное, это бы обусловило его быстрое уничтожение.

30. Сказки моря

Хоровое пение

Однако офицеры, команда и капитан «Пришельца-Близнеца» зря надеются, что и в теперешних условиях у них есть какие-то альтернативы решений. Когда снова можно взвешивать возможность медленно просочиться мимо врага с прицепом, или лихо пронестись на форсажной мощности налегке. Ведь выбор в пользу второго варианта конечно же рациональней и безопаснее, но вообще-то можно попробовать и первое. Этот разговор посредством радиоволн явно никак не соотносится с подозрением о хитрющих брашах, в свою очередь перехвативших послания корвет-эсминца, и теперь готовящихся подойти к нему с разных сторон. Если так, то не стали бы они его спугивать, а так же тихонько как и ранее, крались бы дальше, пока его стремительный корпус не оказался в прицелах поста управления стрельбой. Вполне получается предположить, что внезапный радиообмен между морскими «пятернями» обусловлен обнаружением давешнего сверхмощного урагана. Понятное дело, шлют взаимные предупреждения и согласовывают пути отхода. Так что, если сделать следующий шаг логических накруток, то вообще-то вполне получается ничего радикально не менять, а просто провести траекторию своего курса чуть ближе к предполагаемой границе урагана. Риск свидания с катаклизмом конечно же повышается, но одновременно с этим снижается вероятность столкнуться нос к носу с федеральным океанским патрулем. Но видите ли, в мире Трехсолнцевой Вселенной обычно не вы выбираете дороги, а дороги выбирают вас – они попросту предreshены.

Ибо на борт «Пришельца» пришло новое послание. Теперь именно послание, потому как для него «лично». Ведь несмотря на приближение грозowego фронта, радиоаппаратура действовала еще вполне на уровне, и наверное если бы не это то...

В общем, имеется оправдание. Красивое рыцарство в белых замшевых перчатках убито не собственной трусостью, подлостью и прочим негативом проистекающим изнутри, а сверхслабым перепадом электромагнитного поля обнаруженного с помощью особой проволоочки закрученной в спиральку. Проволочка же находится под слабым током и за счет хитрой припайки к электро-вакуумной лампе, изменяет ее выходные параметры, кои проходят еще группу подобных ламп, впаянных в единый блок, зовущийся в простом радиотехническом народе «усилителем», становятся достаточно мощными, дабы вызывать слабые пиканья или же создавать на сложном приборе – осциллографе – всяческие интересные фигуры, в том числе пилообразные «грабли», которые посредством загодя, в течении циклолетий, проводящихся тренировок ума можно классифицировать как особый код, могущий быть дешифрован в нечто имеющее отношение к чему-то настоящему, что вполне получается не только потрогать, но даже ощутить внутри, что вообще-то гораздо важнее. Например, рыцарство. Как можно потрогать рыцарство? Зато его очень даже получается почувствовать. Ведь вполне выходит ощущать себя благородным рыцарем, пусть и очень редко. Хотя можно и чем-то похуже, что случается почему-то чаще. Но зато сейчас у вас есть очень веская причина видеть себя не совсем уж чем-то эдаким, а чем-то эдаким по недоразумению. Ибо ваши замшевые перчатки, красивые нашьлемные перья и всяческие белые панцири сняты с вас в связи с выполнением долга и присяги, а ведь это тоже часть рыцарства. Так что вполне получается сказать, что ваше «рыцарство двойного света» заменено на другое, может не столь пушистое, но тоже ничего. Однако там, в душе, не смотря на внешнее спокойствие, все-таки крайне паскудно.

Тем не менее, приказы не обсуждают, по крайней мере, с курсантами и командой. Конечно перчаточки на ручках теперь уже не сияют белизной, но пачкать их окончательно не хочется: работает младший командный состав и всяческие «пареньки-матросики на подхвате». Зебро-люди быстренько и проворно – даже стрелять не требуется, потому что овечки – загоняются назад в трюм, и закрываются на замок. Перчаточки конечно в дырах, но белые нитки

торчат: рыбой сверху посыпать не будем. Еще, естественно, множество попутной работы, не портящей цвет пуха. Например, разнообразные пулеметы с башенок скрутить и опечатать в «оружейке» корвет-эсминца. (Оружие более легкого, иглометного вида с «работоторговца» уже давно там). Ну, а потом самое главное: здесь требуется «особая осторожность и внимание».

Пассивные плавучие мины с открученными поплавками. Четыре штуки. Плюс проводная разводка от детонаторов к маленькой адской машинке с хронометром. Все-таки не стоит чернить одежду совсем: не хватало пулять в баркентину торпедой. Затем: «По порядку номеров рассчитайсь! Всем боевым постам доложить о наличии личного состава! Не дай Мята, кто-то за трофеями забрался втихую». Потом, понятно: «Руби канаты», но не так грубо, а со старательной, неторопливой отвязкой. В этот момент все, на палубе эсминца наблюдают, как сопрано-мичман вместе с баритон-мичманом – оба контролирующих друг-друга взрывника – сигают с борта «Хромого затейника» в лодку, и вспотевшие от ожидания рядовые морячки налегают на весла.

Да, еще между делом – сбор подписей о неразглашении, в особый журнал со всей команды, а особо с курсантов-морячков. Дабы там, в академиях, более помалкивали чем болтали. Не гоже, если каким-то левым путем до аборигенов архипелага Роно дойдет история о гибели их родственников. Они конечно же настоящие недо-люди, но все-таки.

Хотя ведь со временем, вполне получается вывернуть прошлое как угодно. Потому как много циклов опосля, уже будучи офицером флота, Стат Косакри слышал историю о том, как некий корабль Империи перехватил в океане брашский парусник-работоторговец. Всех гадов расстреляли, а мирных туземцев, даже зебро-людей вернули на родину. Все по личному распоряжению императора. А парусник тот, трехмачтовый, до сей поры при каком-то флоте состоит в качестве перевозчика запчастей. Интересная и поучительная история, просто песня во славу озаренных «двойным светом» рыцарей Империи. Правда, в этой истории нет одной подробности. О настоящей песне.

На обратном пути, когда «Пришелец-Близнец», сверкая пятками, улепетывал от восемнадцатибального урагана, среди команды ходил слух о том, как дежурный акустик, почти до самого момента подрыва, по крайней мере, вплоть до отключения аппаратуры в целях безопасности, снова фиксировал сквозь воду несколько тягучее, но красивое пение. Многим было интересно, эти недо-люди действительно совершенно всё поняли, или они просто очень любят петь? Второе предположение удобнее – оно не пачкает белые перья на шлеме, а потому принимается.

А вообще, что оно такое – это прошлое?

Очень похоже, что пластилин. Хороший, преобразующийся в любую форму, пластилин.

31. Трехсолцевый мир

Кстати, а может и нестати, возникает интересная мысль. Что есть планетарные компоненты Трехсолнечного мира по своей истинной сути? То есть, не в предполагаемом наличии либо отсутствии твердотельного ядра, спектральном составе атмосферы и прочем, а в своей, так сказать, надобности для человека. Ведь по существу, сегодняшние знания о, мельтешащих где-то вокруг Красного Гиганта или даже конкретно возле Лезенгаупа, звездных «персонажах» есть абсолютное излишество. Какой прок великой Эйрарбии от их орбитальных восьмерок и эллипсов между солнцами? Абсолютно никакого. В отличие от Матери-Фиоль они не греют землю, воду и воздух, превращая их в пригодную для жизни среду. Они даже не наблюдаются явно различимыми в высоте глыбами, подобно натерпевшейся от космоса луне Мятой. И с позиции мифологии, они тоже никак не сказываются на судьбах миллиардов никогда не заглядывающих в телескоп и в «Божественную астрономию» людей. Так в чем же тогда их предназначение? Хотя бы с точки зрения самозарождения мира, как порожденной подсознанием иллюзии? Ведь исходя из опыта – чем дольше живешь, тем все более объемистого – все колесики этого иллюзиона достаточно хитро взаимодействуют. Иногда вдруг выясняется, что совсем вроде бы отвлеченные фактики-детальки, чудесно кладутся в давно лепящуюся мозаику; есть у них оказывается эдакие хитрейшие, ранее незамеченные крючочки-зацепки. И вот следуя дальше, по обобщениям и копанию сути, вдруг щелкает реле-перемычка.

Оказывается, эти самые почти никем не виденные, а если и виденные то не лучше, чем отодвинутая на вытянутую руку фасолина; эти, судя только по малопонятным спектральным линиям, снабженные или же совсем не отягощенные атмосферами каменные шары – имеют для всего существования мира принципиально вселенское значение. И кстати, если вдруг по малоопытности сознания, кое и наличествовало в начальной стадии индивидуальной жизни, принимать Вселенную не как она есть – иллюзорной грезой, а таковой как кажется. То бишь, бесконечно сложной материальной субстанцией раскинутой в реальности беспредельного пространства. Так вот и в том и в другом смысле эти дрожащие в телескопной распахнутости пылинки, мерцающие отраженным светом двух видимых солнц, являются основополагающими кирпичами существования мира. Точнее, его несуществования. А еще точнее, при определенной вероятности космогонических, или нейронно-сознательных процессов, они могут оказаться для мира просто-напросто гробовой доской. Ибо в отличие от явно наблюдаемых и гравитационно рассчитываемых, больших вселенских компонентов – звезд, эти крохи-планеты столь мелки, что рассчитать их орбиты сколько-нибудь точно наперед – недостижимая задача. И значит, никогда не исключена возможность, что однажды, в ничем визуально неотличимый от предыдущих денек, некая из четырех планетарных искорок не окажется вдруг реально различима, ибо какой-то из ее очередных, несинхронных орбитальных кульбитов внезапно выведет ее на траекторию пересекающуюся с Геей. И тогда с точки зрения материально-реального мира это будет никогда не виданный гига-удар двух тонкокорых, переполненных магмой шаров, от которого пленка жизни исчезнет быстрее, чем теряется рисунок на раскрученной, но не проявленной фото-пленке. Для отодвинутого на приличное расстояние наблюдателя, зрелище разлетающихся фрагментов газо-пылевых останков и кромсаемых в винегрет материалов далеко переплунет навязываемую пропагандой картину ответного термоядерного взрыва Брешпутиде. Понятное дело, для варианта мира, созданного собственной головой, дело обстоит ничуть не лучше. Ибо весь он логично и принципиально связан! Следовательно, навязанная подсознанием катастрофа будет иметь такое же фатальное последствие. То есть, поскольку вся шестереночная выверенность мира рассыплется, то и сознание-наблюдатель перестанет существовать.

Учитывая, что в Трехсолнцевой Вселенной кроме больших – планетарных – компонентов выявлены еще и малые – так называемые, астероидные потоки, а в этих потоках периодически засекаются недооформившиеся в планеты глыбы величиной с остров Мадогос, то кандидатов на должность палача бытия более чем достаточно.

Похоже, если бы этот мир действительно существовал, а не просто грезился, он бы должен давно, неминуемо и однозначно исчезнуть. Однако...

«Я мыслю – следовательно, существую!» Нет, совсем не так! «Именно потому, что я мыслю – я существую!»

И только так.

32. Гироскопы

Тем не менее, штурм-капитан снова удивлялся неистощимости подсознания. Уж после выстроенных намерений катаклизмов, ему бы спать, отдыхать, плести на автопилоте обычные узоры, а оно...

Личный состав, да и сам Стат Косакри, если честно, все еще не мог успокоиться после случившегося. И значит, и по внешним и по внутренним соображениям, ему следовало находиться на боевом посту. Там он и присутствовал, когда ожили оглохшие некоторое время назад динамики.

- «Главный» «Навигатору»!
- «Главный» на связи!
- «Отсек навигации» имеем сообщение для ГБП!
- Слушаю, Каджело!
- Командир, у нас неприятности.

Это было не самое плохое. Под словом «неприятность» разумелось не предельно худшее. Вот «ЧП» или «беда» стояли в категории новостей несколько дальше красной черты. Разумеется, дрянь дело, если бы кто-то сообщил «в отсеке вода». Однако строгой градуировки между командными обозначениями не существовало; каждый вахтенный руководствовался собственными соображениями. Но что особенного можно было ожидать от навигаторов.

- Доложите! Не тяните резину.
- Командир, у нас стали все гироскопы.

На мгновение Стату Косакри показалось, что он догадался о случившемся загодя. Возможно, так и было, но в любом случае опережение составляло микросекунды. Подсознание снова расставляло свои кубики. И теперь ничего не оставалось, как подыгрывать в новом акте спектакля.

- Забери меня Мятая луна, как это могло случиться?
- После подводного взрыва произошло общее обесточивание, командир. Система, понятное дело, перешла на аккумуляторы...
- «Навигатор» «Главному»! – перебил бас-штурмана Косакри.
- «Навигатор» на связи!
- Что с системой дублирования?
- То же самое, командир. Гироскопы встали. Там...
- Всё, «отсек навигации»! Не перегружайте связь. Посылаю к вам инженера Мокра.
- Понял, ГБП! Жду инженера.

Итак, оценим ситуацию. Остановка обеих гироскопических систем, ведет всего лишь к потере ориентации. И значит, придется всплыть, для установления координат по солнцам или лунам. Ничего особо страшного, если бы не...

33. Сложности ориентации

Обсерваторные наблюдения неба имели на планете Гея свою особую специфику. Обитатель-навигатор какого-нибудь другого и к тому же иначе устроенного мира, если бы таковые существовали, был бы крайне раздосадован взглянув на небо Геи. И если бы дневной небосклон, по крайней мере, удивил разноцветностью и кратностью солнц, то ночной разочаровал напрочь. Явившийся из этих непредставимых, и не имеющих даже ниши для возникновения, миров пришелец-мореход оказался бы до крайности удивлен отсутствием в вечерней лазури хоть каких-то объектов, пригодных для надежной ориентации. А абсолютная чернота, по случаю очищенной от туч, полуночной бездны повергла бы его в шок. Ну а если бы он, кроме того, узнал, что в небе данной планеты звезд не присутствовало изначально, то есть, не только во времена цивилизации, а вообще человека, то был бы просто-таки морально убит. Все навыки астронавигации, принятые где-то в этих плохо воображаемых мирах, в коих счастливики-постояльцы могут, задржав голову, лицезреть сотворенные природой стационарные ориентировочные огни, здесь на Гее начисто отменялись. Сферы «неподвижных звезд» тут просто-напросто не было. Видите ли, эта даже теоретически непредставимая сфера состоит из гравитационно несвязных с искомой планетой солнц, удаленных на расстояния не более ста парсеков. В случае больших дистанций, они просто перестают наблюдаться. Хитро-мудрый пришелец мог бы предположить, будто хороший бинокль может спасти положение? Однако в варианте дистанций в тысячу парсеков – такая хитрость исключена. При длине линейки межзвездных расстояний в миллион парсеков – не спасают многометровые телескопы-рефлекторы. Тем не менее, в случае Геи, вариация еще более тяжела. Ну а то, что не прощупывается и не проявляется, то, по сути, не существует. Иных звезд, кроме заключенных в систему, просто нет. Можно пялить глаза во мрак хоть до бурного, цветного рассвета. Возможно, от неутомимого бдения, у неутомонного пришельца-фантома в конце-концов действительно начнет мельтешить перед зрачками. Но уж это его собственная проблема, весьма вероятно, имеющая отношение к вождению летающих тарелок, но уж никак не к морской навигации в океане Бесконечности. В котором, как известно, можно плыть десять и более тысяч километров, так и не встретив ни клочка суши.

Наивный «зеленый человечек» из иномиров может смело выбрасывать обычные, принятые в его невиданных морях, секстанты. В отчаянии, он может попробовать использовать для дела сдающие кроссовый забег луны. При тщательном, десяти-, а лучше, стоцикловом наблюдении, из этого может что-то эдакое получиться. Естественно, из-за прецессий, либраций, кавитаций и прочего, вероятное отклонение в определении местоположения будет таково, что вполне получится, не сходя с места, вывести теорию о блуждающих по глобусу материках, и тем не менее... Гораздо большие достижения удастся выхлопотать отслеживая дневное полыхание желтого и красного солнц. Здесь будут свои сложности из за разницы диаметров, к тому же меняющихся со временем, из-за приближения и удаления к наблюдателю. А так же из-за взаимовлияния не только двух видимых, но еще и третьего, невидимого звездного компонента. В общем, сразу станет понятно, почему на Гее, магия и астрономия всегда идут взявшись за руки, словно детишки в «униш». И потому, смело берите в одну ладонь буссоль, а в другую – многогранный магический кубик. Теперь наводите буссоль на Звезду-Мать Фиоль и... Вот именно – бросайте кубик.

У вас получилось? Да, разумеется, разлет при каждой прикидке координат будет приличный. Похоже на Гее гарцуют по геоиду не только материки, но еще и океаны. И значит, снова. Берем секстант...

Ну да, разумеется, в век атомных хронометров широта и долгота определяется несколько иным методом...

34. Дистанция безопасности

Вот еще что! Шторм-капитан Стат Косакри имел ярко выраженное отрицательное отношение к нахождению женщин на борту боевого судна. И для объяснения своего поступка тем, кто интересовался, у него наличествовала пара стандартных причин. Основной значилось – четкое следование параграфам устава. Действительно, «Божественный устав военно-морской службы», и в старом и в новом исполнении, ясно указывал на недопустимость подобных отклонений. Правда, за некоторыми исключениями, узаконенными в мелкокалиберных примечаниях под жирно выделенными по центру листа указаниями. Но те исключения-дополнения касались больших кораблей, классом не ниже океанского крейсера. Да и то не последних, достаточно автоматизированных модификаций, на которых личный состав был сокращен чуть ли не вдвое. Так что для содержания на борту женщин, и между прочим, только «на поварских и прочих связанных с питанием личного состава должностях» требовалось иметь экипаж не менее восьмисот человек. Подводный крейсер «Кенгуру-ныряльщик» никак не тянул на такую привилегию, а кроме того еще одно, гораздо более важное примечание указывало, что женщинам «категорически возбраняется входить в экипажи любых судов подводного хода». Вот так!

Вообще-то эти дополнения, и даже статьи обновленного устава входили в противоречие с в общем-то революционными изменениями в обществе, провозглашенными императором Грапприсом после Второй Атомной. Ибо, как известно, женщины обрели узаконенный статус не только общего равенства, но даже равенства в отношении свободы от воспитания собственных детей. Однако военно-морская верхушка управления флотом, скорее всего следуя традиции, все же обосновала свои ретроградские приложения. И обосновывались они именно строгостью следования новомодным законам, точнее, именно главному из них – «О непременном выполнении государственного контроля рождаемости». Ведь поскольку корабли в походах плавали иногда до полуцикла, вполне могло случиться, что женщина успевала и забеременеть и родить не сходя на берег. Что прикажете делать по этому случаю? Ладно, военные хирурги: они, что роды принять, что ногу отрезать – одинаково «всегда готовы!», но как на счет остального? Прикажете, содержать на борту линкора еще и «униш»? В общем, от коренного изменения традиций отбились.

Однако для Стата Косакри вся эта уставная правда являлась только поводом. Для недопущения женской половины человечества Геи на борт у него имелись собственные, никому более неизвестные причины. Нет, он не был женоненавистником. Во многих случаях он с удовольствием поддавался женским чарам, тем паче, что после достаточно долгого выполнения в Империи «закона контроля родов», и полного привыкания населения к «универсальным школам», женский пол раскрепостился до невиданных в былые времена границ. Иногда можно было подумать, что границ тех нет вовсе. Ведь действительно, за счет изъятия из жизни женщин детей, дамы всех возрастов внезапно обратились в не обремененных никакими семейными обязанностями девиц. Внедрение «униш» повлияло даже на мужчин, теперь и они могли вступать в романы совершенно не опасаясь неожиданно обзавестись пеленками и сосками. Так что на фоне стремительно разрастающейся на макро-уровне государственно-монополистической машины управления обществом, на микро-уровне, «маленький человек» получил невиданную доселе сексуальную свободу. То, что она несколько перехлестывала, а для многих миллионов оказалась новым видом угнетения – ведь некоторые теперь тайно жалели о тех благодатных временах, когда можно было иметь семью – оставалось частной, не оглашаемой открыто и всенародно, проблемой. Так вот, на этом фоне невиданной доселе в истории разнузданности любовных утех, романы крутились стремительно, взлетали в апогей мгновенно, а обрывались сразу и часто без сожаления и надрыва. По крайней мере, внешнего.

Где-то в этой круговерти постельных односериек находилось место и шторм-капитану Стату Косакри. Однако как уже указывалось, на счет нахождения девиц на борту боевого корабля у него значилось особое мнение и особые причины. А сообщать их окружающим было даже не то, что излишним, а просто-напросто опасным. Может, после их оглашения, его бы и не отправили на попечение психотерапевтов, но вполне могли лишить права командовать подводным крейсером. Но ведь ему это занятие нравилось, так что рисковать не стоило. Ведь весь мир вокруг был заговором подсознания, и мало ли что бы в нем могло произойти разглашай он направо и налево главные секреты мироустройства. Может случиться, что иллюзорная вселенная и не рассыпалась бы в осколки, но она вполне могла начать новую структурную перестройку с правдоподобным шлифованием основных законов общества, а то чего доброго и природы. Не стоило обречь себя на вполне ощутимые мучения из-за правдолюбия.

Истина же заключалась в том, что женщины как таковые, разумеется не были, да и не могли быть, личностями – впрочем, так же как и все другие встречные-поперечные. Но в отличие от мужчин, они были опасны тем, что являлись прямыми входами-подключениями к творящему мир подсознанию. Иногда, в апофеозе физической слитности с партнершей, Стат Косакри явно ощущал, как просто-таки растворяется в безднах подсознательного существования, точнее, несуществования. Возможно, цель подсознания состояла в замыкании на себя не только цепей творения, но и цепей контроля. Это могло плохо кончиться. Стат Косакри вовсе не жаждал чисто рефлекторного жития, без какой-либо примеси рассудка. А ведь именно такой целью могло руководствоваться творящее подсознание. Вроде бы случайно подсовывая ему все новых и новых красавиц, оно в конце-концов могло окончательно замкнуть цепь. С целью противодействия, шторм-капитан весьма часто уклонялся от явно беспроектных вариантов намечающихся любовных интрижек. Иногда эта борьба с самим собой проходила тяжело – инстинкты сопротивлялись. Требовалось хитрить, сталкивать одни инстинкты с другими. Например, выставлять на внутренний ринг инстинкт самосохранения. Он был меньшей весовой категории, чем защищающий продолжение рода, но тоже не слабый; с помощью тренированного разума, он побеждал. Товарищи Косакри по службе, иногда являлись свидетелями его дезертирств с любовного фронта. И приходилось изобретать всяческие несерьезные объяснения. Ну что ж, в этом плане он значился чудачком, точнее лопухом. Однако это было все-таки лучше, чем полное растворение в подсознании.

А непонимание окружающих было в общем-то понятно. Порой бабенки слетались к шторм-капитану как мухи на мед. Служивцы удивлялись, ведь погоны у них были не меньшей значимости, внешность тоже, а вот на счет общей физической формы можно было даже поспорить. Однако Стат Косакри прекрасно понимал, почему так происходит. Подсознание жаждало замкнуть контакт наблюдения, однако из-за «информационного порога» было вынуждено давать своим виртуальным творениям хотя бы небольшую свободу, то есть, зачаток личности. Девчонки конечно не соображали почему они тянутся к Стату, а не к рядом с ним сидящему шторм-майору. Точнее, понимание оказывалось зарыто в них слишком глубоко. И дело даже не в попытке замкнуть контакты подсознания. Ведь мир существовал постольку, поскольку мог взаимодействовать с личностью Стата Косакри, правильно? Всё, что выпадало из его непосредственной зоны внимания, исчезало, или в лучшем случае, переходило в совсем виртуальную стадию цифро-буквенных газетных колонок. Следовательно, нахождение в зоне внимания сознания вроде бы простого шторм-капитана позволяло не просто ощутить любовь, а по большому счету вообще существовать.

Иногда Стат Косакри думал, что если бы какая-то из дам сумела покорить его сердце навсегда, то находясь в его зоне внимания раз за разом, целые циклы напролет, она бы вполне вероятно обрела черты настоящей личности. Может быть, подобный эксперимент надо было бы когда-то попробовать осуществить? Но ведь это вело ко все большей и большей завязке на подсознание, и вполне допустимо, к полному подчинению его программе.

Нет, все-таки, оставаться на дистанции наблюдателя гораздо безопаснее.

35. Атомные часы

Атомные часы – штука сложная. Они считают время. И считают его с особой точностью, вроде бы до одной квинтиллионной доли секунды. Или что-то около того, без пары нулей отрицательной степени. В общем, нечто эдакое, что ни проверить, ни ощутить никакими чувствами не получится. И потому надо или верить, или уж совершенно не верить – воспринимать их как дорогушую безделушку.

Атомные часы – вещь массивная. Предмет лишний раз подтверждающий парадоксальные законы этого мира. Чем на меньшую частицу вселенной мы жаждем воздействовать, или просто, без воздействия, использовать ее в своих антропо-видовых целях, тем большую энергию требуется при такой операции привлечь и растратить. И так на каждой ступени, чем далее вглубь, тем все большими и большими весо-метрическими параметрами должна обладать очередная чудо-машина. Что-то в этой обратно-пропорциональной зависимости не так. Какой-то логический выверт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.